

**Данное издание оцифровано
в Воронежской областной
универсальной научной библиотеке
им. И.С. Никитина**

394018, г. Воронеж, пл. Ленина, 2 / ул. Орджоникидзе, 36

Понедельник– четверг 9.00-20.00

Суббота, воскресенье 12.00-20.00

Пятница -выходной

<http://vrnlib.ru>
<http://vk.com/vounb>
e-mail: vounb@mail.ru
+7 (473) 255-05-91

НЕОФФИЦИАЛЬНАЯ ЧАСТЬ
ВОРОНЕЖСКИХЪ
ЕПАРХИАЛЬНЫХЪ ВѢДОМОСТЕЙ

15 АПРѢЛЯ.

№ 8

1902 ГОДА.

ПОУЧЕНІЕ
ВЪ ПЯТОКЪ СВѢТЛОЙ СЕДЬМИЦЫ.

*Преблагословена еси, Богородице
Дѣво, воплощмбоя изъ Тебе адъ
плѣнися, Адамъ возвася, клятва по-
требися, Ева свободися, смерть умер-
твися и мы ожихомъ.*

(Изъ богослужб. книгъ).

Сугубое торжество празднуемъ, братіе, мы нынѣ. Въ сей день, егоже сотвори Господь, торжественно празднуемъ

свѣтлое Христово воскресеніе, совершаемъ кромѣ сего, празднество въ честь Божіей Матери «Живоносный Источникъ».

По сугубому торжеству нынѣшняго дня усугубляется и наша радость, ибо кромѣ всерадостнаго дня Воскресенія Христова нынѣ прославляется живопріемный Источникъ радости—Препоблагословенная Матерь воскресшаго Господа славы, Которую дадеса намъ радость воскресенія Христова и Которая купно съ нами радуется о возстаніи Сына Своего Христа Бога нашего. Воистину, братіе, сей нареченный и святой день—праздниковъ праздникъ и торжество есть торжество. Но, чтобы войти въ духъ сего сугубаго торжества и расположить сердце наше къ радости, полезно *помянуть дни древніе и поучиться въ нихъ.*

Немного времени земного блаженства было для перваго человѣка, сотвореннаго для вѣчной жизни, для вѣчнаго блаженства. Преступленіемъ заповѣди Божіей падшій человѣкъ навлекъ на себя праведный судъ Божій, а въ лицѣ его Владыка жизни нашей осудилъ и насъ на болѣзни, труды и печали во всѣ дни жизни нашей и на вѣчную смерть за гробомъ. *Проклята земля въ дѣлѣхъ твоихъ, въ печалѣхъ съищи хлѣбъ твой во вся дни живота твоего, дондеже возвратишия въ землю, отъ нея же взяты еси,*—такой судъ изрекъ Владыка жизни и смерти праотцу Адаму, а въ лицѣ его и всѣмъ намъ. *Единымъ человекомъ грѣхъ въ мѣртъ видѣ и грѣхомъ смерть и тако смерть во вся челоуѣки виде* (Рим. 5, 12). Съ тѣхъ поръ не только изычници, не имущіе упованія въ грядущаго Спасителя, но и ветхозавѣтные праведники, соблюшшіе вѣру въ обѣтованнаго Мессію, по смерти своей сходили во адъ и душою своею испытывали томленіе и страданіе. Тоже самое было бы съ нами, *аще не возста Христосъ.* Милосердый Господь, не хотая смерти грѣшника, но еже обратитися ему

и живу быти, для искупленія рода человѣческаго послалъ на землю Единороднаго Сына Своего, Который чрезъ страдавія и крестную смерть избавилъ родъ человѣческій отъ лежащаго на немъ проклятія, душою сошелъ во адъ и извелъ оттуда отъ вѣка содержимыя въ немъ, отверзъ райскія двери и воскресеніемъ своимъ сущимъ во гробѣхъ даровалъ животъ вѣчный.

И такъ, празднуя нынѣ воскресеніе Христова, празднуемъ смерти умерщвленіе, адово разрушеніе и иного житія вѣчнаго начало. Посему, какъ намъ не радоваться нынѣ, когда Господь избавилъ насъ отъ толика смерти! Какъ намъ не радоваться нынѣ, когда воскресшій Спаситель для всѣхъ насъ отверзъ райскія двери, для всѣхъ открылъ путь въ царство небесное и даровалъ силы и средства къ достиженію сего царства. Какъ намъ не радоваться нынѣ, когда святыя ангелы и весь соборъ святыхъ Божиихъ сорадуются намъ; наипаче же радуется и красуется Пресвятая Богородица, Которою дадеса намъ радость воскресенія Христова. Подательница сей святой радости—Матерь Господа, обрадованная паче всѣхъ воскресеніемъ Сына Своего, радуется въ той высочайшей мѣрѣ, въ какой сострадала Ему на Голгоѣ. Теперь *не лютое оружіе пройде Ея святую душу, но возрадовася духъ Ея о Возъ Спасъ.*

Не много дней радости было для Пресвятой Дѣвы въ Ея земной жизни. «Первое слово «радуися Дѣва» Марія услышала отъ архангела Гавріила, благовѣстившаго Ей о рожденіи отъ Нея Спасителя міра. Этою неожиданною радостію она сѣшитъ подѣлиться съ родственницею своею Елисаветою, материю Предтечи. Взыграся радощами и младенецъ Предтеча во утробѣ матери, егда услыша Елисаветъ цѣлованіе Маріино. Настолько была велика радость благовѣщенія архангелова. Еще болѣе возрадовалась Дѣва Марія, когда отъ нея родился Бого-

младенецъ Иисусъ. Если, по слову Спасителя, *жена егда родитъ отроча къ тому не помнитъ скорби за радость, яко родися человекъ въ міръ* (Іоан. 16, 21), то какова же была радость Пресвятой Дѣвы Маріи, когда отъ Нея родился не простой человекъ, а Богочеловекъ? Но за этими днями радости наступаютъ для Пресвятой Дѣвы дни печали и душевной скорби.

Иродъ ищетъ убить младенца Иисуса. Для спасенія Его отъ руки Ирода Богоматерь бѣжитъ во Египетъ, и по смерти Ирода идетъ въ Назаретъ, испытывая всю тяжесть дальняго странствованія. Вотъ двѣнадцатилѣтній отрокъ Иисусъ отстаетъ отъ своихъ родителей въ Іерусалимѣ и Дѣва Марія вмѣстѣ съ обрученникомъ Іосифомъ испытываютъ по этому случаю великую скорбь, ибо *боляще* искали Иисуса.

Далѣе, вступаетъ Христосъ на общественное служеніе роду человѣческому—сколько за это время перенесла Пресвятая Матерь скорби и душевной туги отъ злобы и ненависти книжниковъ и фарисеевъ къ возлюбленному Сыну своему. Сынъ человѣческій, не имѣвшій гдѣ главы поклонити, по вся дни терпитъ не только отъ злоухищренія фарисейскаго, но и отъ явнаго намѣренія погубить Его, ибо не разъ собирались побить Его камнями, а однажды, по свидѣтельству Евангелиста, *ведоша Его до верху горы, да быша Его низринули* (Лук. 4, 29). Все это тяжелымъ камнемъ ложилось на любящее сердце Божіей Матери.

Наконецъ, наступаетъ время предательства Іудею Иисуса Христа, суда надъ Нимъ первосвященниковъ Анны и Каиафы,—наступаютъ дни крестныхъ страданій, смерти и погребенія Богочеловѣка. О! что перечувствовала, что перенесла за это время Матерь Божія! Поистинѣ, оружіе пройдетъ Ея святую душу. *Чадо, что сотворилъ еси, восклицаетъ Богоматерь, не могу спяща зрѣти тя, утробою уязвляюся*

и лютое оружіе въ сердце мое проходитъ (Самогл. 4 нед. Великаго поста). *Не рыдай Мене, Мати, зрящи во гробъ,* утѣшаетъ свою Матерь Господь, *возстану бо и прославлюся и вознесу со славою яко Богъ въпроу и любовію Тя величающія* (9 пѣснь канона Великой субботы).

Но вотъ воскресъ Христось, и печаль Пресвятой Богоматери преложилась въ радость. Ей снова возвѣщается радость: *ангелъ вопіяше Благодатный: Чистая Дѣво радуйся!.. Твой Сынъ воскресе тридневенъ отъ гроба* (9 пѣснь канона Пасхи). Но радуется Пресвятая Матерь о воскресеніи Сына Своего не за себя только, а и за насъ земнородныхъ. Свѣтъ воскресенія Христова возсіялъ, братіе, преимущественно для насъ. Что мы были до воскресенія Христова? Рабы неключимые, осужденные во тьму кромѣшную. А чѣмъ стали по воскресеніи Христовомъ? Царскимъ священіемъ, языкомъ святымъ, людьми обновленія. Воскресъ Христось—и *клятва потребися, смерть умертвися и мы оживомъ*. Воскресъ Христось—совоскресилъ съ Собою все-роднаго Адама, а потому и мы *веселимся божественны*.

Воистину радость нынѣшняго дня дѣйствена усладить горечь нашей земной жизни, какъ бы она велика ни была. А посему, бѣдность ли угнетаетъ тебя, не сокрушайся, но паче радуйся, ибо бѣдные, уповающіе на Господа, ближе къ царствію Божію, нежели богатые, надѣющіеся на свое богатство (Лук. 18, 24). Постигають ли тебя различныя болѣзни, бѣды и напасти, переноси ихъ безропотно съ преданностію волѣ Божіей. Самъ воскресшій Господь, чрезъ страданія и крестъ возшедшій въ славу Свою, прославить и тебя во царствіи своемъ. Возведи взоръ свой на ликъ Богоматери, перенесись мыслию къ первообразу его и вспомни, сколько душевныхъ страданій перенесла въ Своей жизни Пресвятая Дѣва. Господь призрѣлъ на смиреніе рабы Своея и сотворилъ

Ей величіе. Обижаютъ ли тебя злые люди? Терпѣливо переноси ихъ обиды и «ненавидящимъ тебя прощай все воскресеніемъ». Самъ воскресшій Христосъ много терпѣлъ отъ злобы своихъ враговъ и съ божественною кротостію переносилъ поруганія своихъ распинателей, моляся за нихъ со креста: *Отче отпусти имъ... Претерпѣвый до конца, той спасенъ будетъ* (Мѣ. 10, 22). Скорбь ли обдержитъ тебя? *Возверзи печаль твою на Господа и той ты препитаеши* (Пс. 54, 23). Прибѣгни подъ кровь Пресвятой Богородицы, якогда некрыющійся отъ нашего заступленія. Она—Матерь наша по благодати усыновленія—скорбящихъ радость, печальныхъ утѣшеніе.

Словомъ, скорбныя обстоянія въ твоей жизни пусть не угнетаютъ твоего сердца и не помрачаютъ твоего лица особенно въ наступившіе свѣтлые радостные дни. *Нынѣ вся исполнися свѣта, небо и земля достойно да веселятся... Христосъ бо воста, веселіе вѣчное.*

Придите же, вѣрніи, поклонимся святому Христову воскресенію, чрезъ которое приде радость всему міру. Радуюся же нынѣ о спасеніи своемъ, прославимъ и Матерь Спаса нашего, Которою дадеся намъ радость спасенія нашего. Въ скорбныхъ же обстоятельствахъ жизни нашей будемъ чаще обращаться съ молитвой къ Преблагословенной Богородицѣ: Пресвятая Богородице Дѣво, услади горечь сердца моего зрѣніемъ святаго образа Твоего. Аминь.

Священникъ *Евгеній Мишинъ.*

Свѣтлый праздникъ у насъ и за границей.

Еще Гоголь замѣтилъ, что «въ русскомъ человѣкѣ есть особенное участіе къ празднику Свѣтлаго Воскресенія», ка-

кого нѣтъ у человѣка западнаго, и что русскій человѣкъ особенно живо это чувствуетъ, когда ему приходится быть въ чужой землѣ.

«Видя, какъ повсюду въ другихъ странахъ», — пишетъ Гоголь, — «день этотъ почти не отличенъ отъ другихъ дней, видя тѣ же всегдашнія занятія, ту же вседневную жизнь, то же будничное выраженіе на лицахъ, онъ чувствуетъ грусть и обращается невольно къ Россіи. Ему кажется, что тамъ какъ-то лучше празднуется этотъ день, и самъ человѣкъ радостнѣе и лучше, нежели въ другіе дни, и самая жизнь какая-то другая, а не вседневная. Ему вдругъ представятся: эта торжественная полночь, этотъ повсемѣстный колокольный звонъ, который какъ бы всю землю сливаетъ въ одинъ общій гулъ, это восклицаніе *Христосъ воскрес!* которое замѣняетъ въ этотъ день всѣ другія привѣтствія, этотъ поцѣлуй, который только раздается у насъ» ...

Да, это именно такъ! Кому случалось проводить великіе христіанскіе дни за границей, тотъ это знаетъ по опыту. Не только въ странахъ протестантскихъ, гдѣ релігіозные интересы вообще сравнительно слабы, но даже и въ странахъ католическихъ, извѣстныхъ своею набожностію, это чувствуется неотразимо. И сколько бы мы ни имѣли поводовъ сѣтовать, вмѣстѣ съ Гоголемъ ¹⁾, о несоотвѣтствіи нашей жизни съ нашими праздничными настроеніями, во всякомъ случаѣ фактъ остается фактомъ: у насъ христіанскіе праздники чувствуются живѣе и глубже, чѣмъ тамъ, и Богъ дастъ придетъ время, когда это живое чувство скажется и въ нашей жизни, теперь часто ему не отвѣчающей, — скажется, какъ живая дѣятельная любовь. Но когда праздники по-

¹⁾ *Выбранныя мѣста изъ переписки съ друзьями*, XXXII, послѣ приведенной выше выдержки.

чти приравнены, какъ это случилось на Западѣ, къ обыкновеннымъ будничнымъ днямъ, когда религіозныя начала и стихіи жизни *обмірились*,—тогда уже не отсюда ждать человѣку притока обновляющихъ возбужденій и силъ. Такъ это именно и есть во многихъ западныхъ странахъ, хотя и именующихъ себя христіанскими, но въ дѣйствительности уже живущихъ настроеніями и началами, чуждыми христіанству.

Въ 1898 г. автору настоящихъ строкъ пришлось проводить великіе христіанскіе дни за границу. Въ этомъ году западная Пасха предваряла нашу на одну недѣлю, и мнѣ хотѣлось, воспользовавшись этимъ, прежде своего свѣтлаго праздника отпраздновать вмѣстѣ съ католиками ихъ праздникъ. Я отстоялъ четверговую службу въ знаменитомъ Страсбургскомъ соборѣ; службу Великаго пятка—въ Миланскомъ; Великую субботу провелъ въ различныхъ храмахъ Рима, а мессу свѣтлаго Воскресенія слушалъ въ знаменитомъ храмѣ Св. Петра (служилъ кардиналъ Рамполла).

Какое разнообразіе впечатлѣній! Величественная готика соборовъ; громовые звуки исполинскихъ органовъ; итальянская музыка большихъ и хорошо разученныхъ хоровъ; торжественныя процессіи; многочисленныя служащіе съ кардиналами, митрополитами и епископами во главѣ въ ихъ нарядныхъ облаченіяхъ: какъ импонируетъ все это! Какое неисчерпаемое богатство вѣхами накопленныхъ символовъ, мелодій, звуковъ развертывается предъ участниками этихъ торжественныхъ служеній! Сколько сосредоточено въ нихъ чувства,—то скорбнаго и умирающаго, то снова пробуждающагося къ радости и жизни!

И, однако,—однако, есть въ этихъ торжествахъ какой-то темный остатокъ, что-то принципиально фальшивое, какъ тѣ удивительные дисканта кастратовъ въ римскихъ католическихъ хорахъ, которые сначала поражаютъ своею силой,

но затѣмъ отталкиваютъ своимъ безжизненнымъ, скрипучимъ, характеромъ. Чувствуется какое-то глубокое несоотвѣтствие между всею этою помпѣзною символическою и живыми потребностями души. Съ одной стороны, все какъ будто рассчитано на то, чтобы во всѣхъ подробностяхъ и какъ можно глубже напечатлѣть исторію страстей Христовыхъ, Его крестной смерти и воскресенія. Но, съ другой стороны, учредители и организаторы этихъ торжествъ какъ будто намѣренно стремятся задержать исключительно на внѣшности, на подробностяхъ, которыя поглощаютъ все вниманіе и закрываютъ то, что таится за этими символами и въ чемъ ихъ единственное оправданіе и смыслъ.

Живо помню чтеніе въ Миланскомъ соборѣ *двенадцати Евангелій* (пятница—утро). Патеры поочередно, испросивъ благословеніе у кардинала, шли съ Евангеліемъ къ одной изъ колоннъ, гдѣ устроено мѣсто для проповѣдниковъ, и съ этого возвышенія, обратясь къ народу, читали,—по латыни, конечно,—Евангеліе. Любопытная толпа приливали и отливали, ибо слушали и не слыхали... Для кого же читалось это сказаніе о страстяхъ Христовыхъ? Кому вразумительна эта священная латынь? И винить ли толпу за ея равнодушное любопытство,—за то, что она *не слушала, а смотрѣла*, кто и какъ читаетъ?.. Нѣтъ, не винить, а жалѣть надо эту толпу, отъ которой *утаенъ* смыслъ и разумъ священныхъ торжествъ.

Помню въ Великую субботу въ одномъ изъ аристократическихкихъ храмовъ Рима (на Корсо,—храмъ во имя св. Маркелла) торжество *Коронованія Божіей Матери*. На подмосткахъ—изваяніе Божіей Матери въ ростъ человѣка, облеченное въ яркія ткани краснаго и голубаго цвѣта. Престарѣлый аббатъ въ сопровожденіи многочисленнаго сонма сослужащихъ выходятъ изъ праваго сакристірія и приближается,

медленно и торжественно, съ возженными свѣчами и курящимися кадильницами,—къ возвышенію; читаетъ молитвы освященія короны и затѣмъ, поднявшись по лѣстницѣ на возвышеніе, возлагаетъ корону на Богоматерь. Невидимый хоръ поетъ величаніе,—страстно, театрално, съ условною вибраціей голосовъ... Что это? Какой смыслъ этого торжества и почему именно оно приурочено къ великой субботѣ? Никто не объясняетъ этого народу: «довольно съ него и помпы»!

Сосредоточенно и строго, весь погруженный въ себя, служилъ сановитый кардиналъ Рамполла пасхальную мессу въ храмѣ Св. Петра. Величественно гремѣлъ органъ. Стройно пѣла знаменитая сикстинская капелла. Дискантъ-кастратъ уходилъ подъ самые своды далекаго, едва виднаго простымъ глазомъ, купола. По окончаніи мессы, съ преднесеніемъ свѣчей и въ сопровожденіи длиннаго ряда сослужащихъ, со сложенными и воздѣтыми къ небу руками, прослѣдовалъ властный сановникъ современнаго католическаго Рима въ сабристрий, —не прямымъ и кратчайшимъ путемъ, а обходнымъ, почти чрезъ весь обширѣйшій храмъ. О, онъ долженъ быть виденъ *всѣмъ*! Онъ долженъ среди *всего* народа склонить свои колѣна предъ Тѣмъ, Кто далъ ему совершить эту мессу! И народъ смотритъ, упивается торжественнымъ зрѣлищемъ... Но никто, никакой «князь церкви» не принесъ ему въ этотъ великій день вѣсти о воскресеніи и никто не облобызалъ его лобзаніемъ христіанскимъ во имя Воскресшаго. О чемъ же гремѣлъ этотъ органъ? О чемъ рыдалъ дискантъ подъ куполомъ исполинскаго собора? Какіе гимны пѣлъ этотъ знаменитый папскій хоръ? О, конечно, *они*, эти сановитые и несановитые слуги папы, уединившагося тамъ въ Ватиканѣ, —*они* это знаютъ; а ему, —этому поистинѣ *темному* народу католическому, —ему это знать не необходимо...

Весь религиозный *разумъ* католическій клиръ взялъ себѣ, народу же представилъ жить лишь религиознымъ *чувствомъ*. Имъ только, только чувствомъ, и живетъ западный человѣкъ, именующій себя католикомъ, но, конечно,—это лишь жизнь половинная. Привычною тропой отцовъ онъ идетъ на пасхальныя торжества и процессіи въ величественныя храмы, хотя въ большинствѣ случаевъ и не понимаетъ ихъ смысла. Печеть «пасхи», — не нашей, впрочемъ, но другой, странной формы и не потому только странной, что «не нашей». Идетъ иногда христосоваться съ почившими отцами и братьями. Тамъ и сямъ, изрѣдка и поодиночкѣ, встрѣтишь какую-нибудь бѣдную «дочь народа», которая несетъ въ платочкѣ красныя яйца и спѣшитъ съ ними поздравить кого-то, сама какъ будто не увѣренная въ томъ, что дѣлаетъ, и даже ясно не сознающая того, что дѣлаетъ... Такъ ичела, повинувшись единственно своему благородному строительному инстинкту, все снова и снова, начинаетъ достраивать тотъ соть, который обламываютъ люди. Но эта жизнь религиознаго *инстинкта*, слѣпая и не сознавая, не можетъ, конечно, имѣть широкаго вліянія и отражаться глубокимъ преобразованиемъ и направлениемъ въ опредѣленную сторону, къ опредѣленнымъ идеаламъ остальныхъ житейскихъ отношеній.

Ни въ чемъ, быть можетъ, этотъ, такъ сказать, инстинктивный характеръ религиозной жизни католика не отражается такъ ясно, какъ въ его праздникахъ и особенно въ праздникѣ пасхальномъ. Тихо и безшумно подходитъ въ католическихъ странахъ этотъ великій праздникъ и уходитъ, не оставляя въ душѣ никакой особой полосы, никакого особеннаго настроенія. «Святая ночь» не отдѣляетъ для католика его Свѣтлаго праздника отъ другихъ дней. «Votre Jésus est galant, — сказалъ одному католику православный, — Онъ не хочетъ беспокоить васъ и воскресаетъ не ночью, а утромъ,

въ девять—десять часовъ. Это вѣрно и очень характерно. И не то здѣсь характерно, что, при всей своей поговѣ за виѣшностью, католичество проявляетъ, однако, и при томъ такъ ярко и такъ неумѣстно, склонность *приспособляться* къ требованіямъ людей свѣта, съ его привычками и удобствами; но то, что оно не находитъ нужнымъ *выдѣлить* этотъ великій и святой день изъ ряда другихъ дней. Наступая тихо и незамѣтно, онъ такъ же тихо и незамѣтно и уходитъ. На другой день уже жизнь вступила въ свою обычную, суетливую и дѣловую колею: храмы заперты, лавки отворены (нѣкоторыя были, впрочемъ, открыты уже и въ первый день праздника); городъ суетится, кричитъ и волнуется обыденными житейскими волненіями... Какъ будто еще только вчера эти люди не праздновали величайшаго момента всемірной исторіи!

И вотъ, на этомъ однотонномъ фонѣ, съ особенною яркостію выступаетъ предъ русскимъ человѣкомъ, живущимъ на чужбинѣ, *Пасха православная*, празднуемая на великой *Святой Руси*.

Дивный, немеркнущій свѣтъ истины, открытой въ лонѣ Православія даже и младенцамъ, а не однимъ только ученымъ богословамъ, какъ въ католичествѣ и протестантствѣ, сочетался въ православной душѣ съ теплымъ и трогательнымъ чувствомъ, которое питается умилительными пѣснопѣніями и священными дѣйствіями дней праздничныхъ и предпраздничныхъ и, насвободъ проникая душу, создаетъ на Святой Руси именно то, чего теперь уже нѣтъ на Западѣ, ни у католика, ни у протестанта, — создаетъ то особое, поистинѣ свѣтлое настроеніе, которое всего могущественнѣе овладѣваетъ душой именно въ дни Свѣтлаго праздника. Какъ яркая звѣзда стоитъ этотъ праздникъ въ православномъ голичномъ кругѣ, радуя душу и ожиданіемъ его, и воспоминаемъ о немъ.

Вокругъ него, какъ звѣзды меньшей величины, группируются другіе праздники. И надъ головою челоуѣка православнаго, такимъ образомъ, постоянно распростерто какъ бы нѣкоторое наглядное духовное небо, врата котораго время отъ времени растворяются, чтобы открывать доступъ въ небесныя чертоги бѣдному сыну земли.

Когда я праздновалъ, вмѣстѣ съ католиками, ихъ, со-всѣмъ не торжественную, пасху, — воображеніе растилало предо мною, по закону контраста, необъятную ширь Святой Руси, празднующей свой истинно-свѣтлый праздникъ. Я видѣлъ ясно изъ духовно чуждаго мнѣ далека, какъ у насъ храмы великіе и малыя, богатые и бѣдные, освѣтились милліонами огней въ эту великую и святую ночь, которая возвѣстила православному люду вѣсть Воскресенія и совлекла съ его души, по крайней мѣрѣ, на время этихъ свѣтлыхъ дней, бремя заботъ, печалей и сѣтованій.

Весь народъ участвуетъ у насъ въ праздникѣ! Всѣмъ доступенъ смыслъ и разумъ священныхъ пѣснопѣвій! Никакая душа не можетъ быть настолько черства и замкнута, чтобы не откликнуться въ православномъ храмѣ на эту общую радость, возвѣщаемую всѣмъ доступнымъ языкомъ. Чувство заразительно, и огонь святыхъ скорбей и радостей, исходящій отъ храмовъ, передается въ эти дни непосредственно и самъ собою отъ души къ душѣ всѣхъ участниковъ православно-церковной жизни! А этотъ пасхальный звонъ, всѣ дни святой седмицы, напоминающій объ ихъ исключительномъ характерѣ: ничего, нечего подобнаго тамъ, на западѣ, ни у католиковъ, ни у протестантовъ, нѣтъ! Нѣтъ тамъ ни внутренняго общенія въ праздничной радости, у мірянъ съ клиромъ и между собою, ни вѣшняго ея выраженія, ни христосованія, ни звона, — этого радостнаго пасхальнаго звона...

Алексій Введенскій.

(Душ. Чт. 1902 г.)

Гоголь о культурѣ, задачахъ человѣка, миссіи русскаго народа и церкви ¹⁾).

Итакъ служить дѣлу возрожденія народа обязанность каждаго, но главнымъ образомъ—это дѣло православнаго священника ²⁾. Священнику принадлежитъ великая роль въ созиданіи будущаго Россіи, «дѣло улучшенія нашего въ ихъ рукахъ, а не въ рукахъ кого либо другого. Нужно только, чтобы пастыри поняли долгъ свой и путь свой». И прежде всего и важнѣе всего священникъ долженъ имѣть, по мнѣнію Гоголя, *даръ молитвенный*.

О молитвѣ вообще и молитвѣ пастыря Гоголь говоритъ часто и много. *Въ молитвѣ*, по его мнѣнію *все*. Н. В. считаетъ молитву для пастыря дѣломъ общественнымъ, службой обществу. Тенерешнее опасное время, когда отовсюду грозятъ бѣды чело вѣку, пишетъ Гоголь, можетъ быть только и нужно дѣлать, что молиться, обратить все существо свое въ слезы и молитву, позабыть себя и собственное спасеніе и молиться о всѣхъ ³⁾. Иногда я чувствую, говоритъ Гоголь, потребность молитвы о себѣ, о своихъ нуждахъ, но внутренняя сила влечетъ меня къ молитвѣ, какъ *службѣ людямъ и общему дѣлу*.

Да, молитва великая сила, но конечно только тогда, когда она не формальность, не холодное исполненіе долга. По опредѣленію нашего писателя, молитва—это стремленіе всѣхъ силъ души къ Вѣчному, дерзновенная бесѣда съ Нимъ, причемъ на вопросы, какіе человѣкъ дерзновенно предлагаетъ Богу—*въ ту же минуту слѣдуютъ отвѣты, и эти отвѣты*

¹⁾ Окончаніе. См. № 7 Вор. Епарх. Вѣд.

²⁾ Вѣра и Разумъ. № 4-й 1902 г. стр. 224—232.

³⁾ Кулишъ VI, 545.

будутъ прямо отъ Бога. А и красота этихъ отвѣтовъ такова, что весь составъ человѣка самъ собою обращается въ восторгъ и весь человѣкъ проникается силой духовнаго и общественнаго дѣланія ¹⁾).

При всякомъ дѣлѣ важна концентрація всѣхъ силъ для этого дѣла, а «собрать духовныя силы можетъ только молитва». Въ молитвѣ человѣку открывается Богъ и Богъ любви раскрываясь въ его сердцѣ, зажигаетъ въ немъ и любовь къ людямъ: это по тому что и сама молитва есть актъ любовнаго единенія молящагося съ тѣмъ за кого молится ²⁾).

О минутахъ молитвеннаго подъема Гоголь говоритъ: «мнѣ кажется, какъ будто теперь становятся мнѣ милѣе образы людей, чѣмъ когда либо прежде, какъ будто я гораздо больше способенъ теперь любить, чѣмъ когда-либо прежде» ³⁾).

Понятно, насколько нужна при такомъ представленіи дѣла молитва для пастыря.

Если, какъ мы видѣли, вообще основа нравственной жизни смиреніе, понимаемое въ смыслѣ снисходительной любви къ ближнему, то для священника смиреніе альфа и омега его дѣятельности. Смиреніе для пастыря—это возвратъ на путь свой, а возвратъ самъ, онъ можетъ возвратитъ и всѣхъ насъ. Священнику, какъ врачу душъ, нужно войти въ чужую душу и сердце, но ни одна душа не откроется гордому. Пока священникъ не приобрѣлъ смиренія, онъ бесплоденъ въ своемъ дѣланіи. До тѣхъ поръ, говоритъ Гоголь, пока путемъ божественной любви, даруемой черезъ тоже всепрощающее смиреніе, а не чѣмъ либо другимъ,—не взойдетъ, онъ какъ нѣжнѣйшій братъ въ душу своего брата, пока не узнаетъ ее, какъ собственную, пока не почувствуетъ, что

¹⁾ Ibid. 31, 32.

²⁾ Ibid. 594.

³⁾ Ibid. 460.

находится самъ въ этой душѣ, какъ бы въ родномъ и собственномъ своемъ тѣлѣ, что дается тоже только смиренной снисходительностью къ брату, — до тѣхъ поръ будетъ безсильна его душевная помощь ¹⁾. Но это чувство смиренія, эту сострадательную любовь, которая нужна пастырю, чтобы принять въ свою совесть всю совесть своихъ чадъ, заключить ихъ души въ своей души — даетъ молитва. Священникъ послѣ молитвы, вернувшійся отъ Бога, гость горняго міра, спленъ помощи искушаемымъ и вести истину по лицу землѣ.

«Божественная литургія, пишетъ Николай Васильевичъ, дѣйствуетъ сильно на присутствующихъ при совершеніи ея, тѣмъ еще сильнѣе дѣйствуетъ на самого совершителя, или іерея. Если только онъ благоговѣнно совершалъ ее съ страхомъ, вѣрой и любовью, то ужъ весь онъ чистъ, пребываетъ ли онъ весь день тотъ въ отправленіи своей многообразной пастырской обязанности, въ семьѣ ли посреди своихъ домашнихъ, или посреди своихъ прихожанъ, которые суть также семья его, — Самъ Спаситель въ немъ вообразится, и во всѣхъ дѣйствіяхъ его будетъ дѣйствовать Христосъ; и въ словахъ его будетъ говорить Христосъ. Будетъ ли склонять онъ на примиреніе между собой враждующихъ, будетъ ли преклонять на милость сильнаго къ безсильному, или ожесточеннаго, или утѣпать скорбящаго, или къ терпѣнію угнетеннаго, слова его пріобрѣтутъ силу врачующаго ея и будутъ на всякомъ мѣстѣ словами мира и любви» ²⁾.

Въ связи съ молитвеннымъ даромъ пастыря стоитъ и его учительство. Учительство есть сущность пастырства, — однако учиться учительству не нужно для православнаго па-

¹⁾ 68. Ibid.

²⁾ Размышл. о бож. литургія. Изд. 17-ое Маркса 1650.

стыря—по мнѣнію Гоголя. Православный пастырь учить больше своей жизнью, какъ носитель Христа въ себѣ:—въ сердцѣ и образѣ своемъ—чѣмъ словомъ. «Пусть миссіонеръ католичества западнаго бьетъ себя въ грудь, размахиваетъ руками и краснорѣчіемъ рыдаѣи и словъ исторгаетъ скоро высыхающія слезы. Проповѣдникъ же католичества восточнаго долженъ выступить такъ передъ народомъ, чтобы уже отъ одного его смиреннаго вида, тихаго, потрясающаго голоса, исходящаго изъ души, въ которой умерли всѣ желанія міра, (и живетъ одна любовь) все бы подвинулось еще прежде, нежели онъ объяснилъ бы самое дѣло, и въ одинъ голосъ заговорило бы къ нему: «Не произноси словъ: слышимъ и безъ нихъ святую правду твоей церкви!»¹⁾

Самое слово проповѣдника силу свою получаетъ отъ этого проникновенія Христомъ и его жизнью. «Христа, совѣтуетъ Гоголь всякому выступающему на поприщѣ учительства»,—въ самихъ себѣ заключите такъ, чтобы Онъ отразился во всякомъ вашемъ дѣйствіи, мнѣніи, поступкѣ и даже малѣйшемъ движеніи. И тогда изъ устъ вашихъ будетъ исходить чистый разумъ и воодушевленные внутренно Имъ т. е. самимъ Христомъ, вы дадите самый умный и самый полезный совѣтъ, скажете истинно мудрое слово»²⁾.

Но если православная проповѣдь не произведеніе ораторскаго искусства, а выраженіе внутренней христіанской жизни, то Гомилетика не должна ли совпасть съ аскетикой? Конечно, но у Н. В. все же найдется кое-что полезное и для гомилета. Гомилетическія разсужденія Гоголя объ учительствѣ и церковномъ и внѣцерковномъ интересны и кажутся не устарѣли даже для нашего времени. Гоголь считаетъ

²⁾ Переп. съ друз. письмо 8.

¹⁾ Ibid. Кулишъ VI, 143, 144.

проповѣдь всемогущимъ средствомъ нравственнаго исправленія. Онъ ободряетъ и утѣшаетъ тѣхъ проповѣдниковъ, «которые уныли отъ множества безчинствъ, возникнувшихъ въ послѣднее время, почти увѣрились, что ихъ никто теперь не слушаетъ, что слова и проповѣдь теряются на воздухъ, и зло такъ глубоко пустило свои корни, что и нечего думать объ его искорененіи». Нѣтъ, человѣкъ не безчувствененъ, человѣкъ подвигнется, если только ему покажешь дѣло, какъ есть. Только слегка приподыми проповѣдникъ завѣсу и укажи ему, хотя одно изъ тѣхъ ежеминутныхъ преступленій, которыя онъ совершаетъ, у него уже отнимается духъ хватать грѣшностью своей». Нужно только, чтобы проповѣдь дошла до его уха... Проповѣдникъ долженъ знать болѣзни своихъ пасомыхъ и лѣварство должно соответствовать діагнозу. Обычная проповѣдь не достигаетъ своей цѣли, но это потому, что проповѣдникъ не умѣетъ затронуть въ человѣкѣ тѣхъ струнъ, какія еще могутъ, еще способны отзываться звукомъ или стономъ. Во всякомъ человѣкѣ есть человѣческое и это человѣческое нужно найти, вызвать наружу; въ совѣсти каждаго такъ же найдется мѣсто, способное къ ощущеніямъ боли, слѣдуетъ лишь разыскать его. Пути къ уху и сердцу слушателей не для всѣхъ одинъ и тѣже, а почти ко всякому разные. Поэтому то требуется присмотрѣться прежде всего къ природѣ именно того или тѣхъ—къ кому направлено слово; съ любовью и съ участіемъ разсмотрѣть все, что у него (или у нихъ) болитъ, а вовсе не полагаться на наши знанія *о всѣхъ вообще*. Современная проповѣдь касается болѣе общихъ мѣстъ и отвлеченныхъ пороковъ. Но въ такомъ общемъ и отвлеченномъ изображеніи люди не узнаютъ самихъ себя, и продолжаютъ казаться себѣ чуть не праведниками. «Грѣшить вышній человѣкъ», говоритъ Гоголь, несравненно больше, нежели когда либо прежде. Но грѣшить не отъ

преизбытка собственнаго разврата, не отъ безчувственности и не отъ того, чтобы хотѣлъ грѣшить, но отъ того, что не видитъ грѣховъ своихъ. Сказать: «не крадѣте, не роскошничайте, не берите взятокъ, молитесь и давайте милостыню неимущимъ», теперь ничто, и ничего не сдѣлаетъ.

Бромѣ того, что всякій скажетъ: «да вѣдь уже это извѣстно», но еще оправдывается предъ собой и найдетъ себя чуть не святымъ. Онъ скажетъ: «красть я не краду: положи предо мною часы, червонцы—не возьму ихъ; живу я роскошно, но мнѣ не для кого копить... взятку беру только съ богатого. Кажется никому не сдѣлалъ зла—никого не обидѣлъ» и т. д. ¹⁾ Священникъ долженъ поднять завѣсу, снять катарактъ съ слѣпыхъ глазъ, показать хоть часть тѣхъ ужасовъ, какіе каждый производитъ косвенно, а не прямо, показать человѣку, что одно уже его самодовольное смакованіе жизни—есть преступленіе. Человѣкъ хвалится тѣмъ, что онъ ни холоденъ, ни горячъ—проповѣдникъ долженъ указать, что именно такихъ Богъ извергнетъ изъ устъ своихъ ²⁾).

Что сдѣлалъ ты добраго? Или ты призванъ къ жизни затѣмъ, чтобы только не дѣлать зла? Гдѣ твои прямо христіанскія дѣла? Гдѣ свидѣтельства твоей любви къ ближнему—гдѣ она? Люди близоруки и это главный ихъ грѣхъ. Часто человѣкъ искренно думаетъ, что своей расточительностью онъ дѣлаетъ доброе дѣло, давая хлѣбъ мастеровому, и искренно не понимаетъ, что еще нужно ему, когда онъ въ каждое благотворительное заведеніе посылаетъ свой взносъ ³⁾).

Что дѣлать съ такими людьми? Нужно разочаровать ихъ въ ихъ безгрѣшности—провести ихъ по міру и показать «зло

¹⁾ Письмо 20. «Изб. м. изъ переп. съ друзьями». 1451—52 стр. Изданіе Маркса 17.

²⁾ Соч. Гоголя. Изд. Кулиша VI, 49.

³⁾ Ibid.

и горе». Сказать честному, но близорукому богачу, что онъ, убирая свой домъ и заводя все на барскую ногу, вредить соблазномъ, поселяя такое же точно желаніе въ другомъ менше богатомъ, который изъ за того, чтобы не отстать, разоряетъ не только свое, но и чужое имущество, грабить и пускаетъ по міру людей, — да вслѣдъ за тѣмъ и представить ему одну изъ тѣхъ ужасныхъ картинъ голода внутри Россіи, отъ которыхъ дыбомъ поднимается у него волосъ и которыхъ, можетъ быть, не случилось бы, если бы не сталъ онъ жить на барскую ногу, да задавать тонъ обществу и кружить головы другимъ... тогда увидитъ онъ... что не спасетъ его отъ страшнаго отвѣта предъ Богомъ и деньга, брошенная нищему и т. д. ¹⁾).

Указывать общій путь для всѣхъ, говорить только объ отвлеченной добродѣтели и общихъ порокахъ, это значитъ заставлять человѣка идти по кочкамъ. «Но посудите сами, спрашиваетъ Гоголь, какого нужно терпѣнія, характера и воли, чтобы отважиться ѣхать не по дорогѣ, а по рвамъ, кочкамъ, болотамъ, однимъ словомъ, безъ дороги. И напрасно вы удивляетесь, продолжаетъ онъ, что люди такъ глухи къ словамъ высокихъ истинъ. Въ говорите иногда такія вещи, что бѣдный слушающій васъ, даже умный и добрый, сознавая, что слова ваши суцая истина, не знаетъ и не находитъ въ себѣ ни силъ, не средствъ, какъ ихъ къ себѣ примѣнить, какъ ихъ себѣ усвоить» ²⁾).

Въ отношеніи къ проповѣди необходима даже нѣкоторая приспособляемость къ слушателю, хотя конечно, не похожая на приспособляемость ксендза — иезуита. Есть люди, которые могутъ даже не хотѣть слышать проповѣдь отъ лица нашей Церкви. По отношенію къ нимъ возможна нѣкотораго рода

¹⁾ Ibid.

²⁾ Куляшъ VI, 143.

«экономія». Священникъ, не скрывая, что онъ ученикъ Христа, напротивъ, отражая Его во всякомъ дѣйствіи, поступкахъ, даже въ каждомъ движеніи—не зоветъ однако пока его къ слѣдованію *за Христомъ, какъ авторитетомъ.*

Онъ въ психологіи и міровоззрѣніи больного невѣріемъ находитъ почву, на которой слова Христа могутъ быть приемлемы и поняты имъ, онъ заставляетъ преклониться предъ истиной, не называя еще ее Христовой, заставляетъ потянуться *къ свѣту, не говоря откуда свѣтъ.* И возможно, что человѣкъ не желающій Христа или вѣрища, совершенно не знающій Его и Его ученія, изумится предъ правдой вашихъ словъ и падеть, можетъ быть, въ умиленіи и въ ужасѣ на колѣни; и въ потокъ благодарныхъ слезъ не найдетъ, можетъ быть, ни словъ, ни моленій, какъ возблагодарить Бога за то, что ниспослалъ къ нему васъ ¹⁾.

Какъ построить проповѣдь, въ чемъ секретъ ея силы? Относительно этого Гоголь даетъ рядъ разбросанныхъ указаній; правда, часто они касаются свѣтскаго учительства, но примѣнимы и самимъ *Н. В. примѣнялись* и къ учительству церковному. «Учительное слово, пишетъ Н. В., можетъ быть вызвано одною изъ слѣдующихъ, возбуждающихъ силъ: или силою гнѣва, почерпнутаго отъ самого гнѣва Божія, стало-быть, не лицемѣрнаго гнѣва, не въ мысляхъ, а въ сердцѣ обитающаго, гнѣва противъ всего нечистаго, презрѣннаго, въ какомъ бы оно сосудѣ ни заключалось. Само собою разумѣется, что это гнѣвъ не къ самымъ сосудамъ, заключившимъ въ себѣ презрѣнное, но къ презрѣнному, заключенному въ сосудахъ (гнѣвъ противъ самихъ сосудовъ можетъ быть только за то, что они открыли двери презрѣнному или заключили его въ себѣ). Это первый источникъ учительнаго

¹⁾ Ibid. 144.

слова. Затѣмъ слово можетъ быть «двигнуто» силой любви къ человѣку, зажженной также отъ небесной любви Божіей къ человѣку, любви постигшей страшную участь тѣхъ, которые вызываютъ противъ себя гнѣвъ Божій. Содрогаясь отъ ужаса за нихъ и подвигнувшись небеснымъ ангельскимъ состраданіемъ, проповѣдникъ молить какъ братъ умоляетъ брата, какъ несчастная и безотрадная мать умоляетъ сына, идущаго на явную гибель,—умоляетъ его такими воплями и стонами, отъ которыхъ и безчувственный камень содрогнется».

Наконецъ, учительное слово можетъ быть «создано» силой собственного молитвеннаго возношенія къ Богу. Въ этомъ послѣднемъ случаѣ слово *принимаетъ форму молитвы* ¹⁾. Какой изъ этихъ трехъ формъ отдать предпочтеніе—сказать трудно. Проповѣдь, выраженная въ формѣ молитвеннаго изліянія предъ Богомъ, мало распространена, но нельзя не пожелать, чтобы она народилась и развилась. Это можетъ быть по преимуществу восточная, православная проповѣдь. Проповѣдь молитва—*стиль Григорія Богослова*.

Проповѣдь умоляющая, конечно, самый глубокодѣйствующій видъ проповѣди. Труднѣе высказаться о проповѣди, возбужденной силой гнѣва, хотя бы не противъ людей, а противъ пороковъ людскихъ. По взгляду Гоголя, гнѣвное слово можетъ исходить только изъ устъ высокоавторитетныхъ; оно мало уместно въ устахъ человѣка, который самъ еще не созрѣлъ въ духовномъ дѣланіи.

Слово убѣжденія должно выходить изъ души уравновѣшенной, спокойной и отрѣшенной отъ поклоненія себѣ. «Ничего страстнаго не должно приносить въ учительное слово. Обращаться съ словомъ, пишетъ Гоголь, нужно честно: оно есть высшій подарокъ Бога человѣку. Бѣда произносить его

¹⁾ Куляшъ VI, 160—161.

въ ту пору, когда проповѣдникъ самъ находится подъ вліаніемъ страстныхъ увлеченій, досады или гнѣва, словомъ въ ту пору, когда не пришла еще въ стройность его собственная душа: тогда и съ самымъ чистѣйшимъ желаніемъ добра можно произвести зло ¹⁾. Священникъ—*пресбытерос*— всегда старецъ, а «изъ устъ старца должно исходить слово благостное, а не шумное и спорное. Духъ чистѣйшаго незлобія и кротости долженъ проникать величавыя рѣчи священника» ²⁾.

А какъ быть, если человѣкъ не въ силахъ учительствовать отъ себя? Гоголь даетъ отвѣтъ и на этотъ вопросъ. Ему кажется, что до того времени, когда проповѣдникъ хорошо не присмотрится къ окружающей его средѣ, не изучитъ ея нравовъ, недостатковъ и пороковъ, ему даже лучше и не выступать съ самостоятельнымъ словомъ. Лучшія мѣста изъ святыхъ отцовъ церкви, особенно Златоуста,—направленныя противъ людей, принявшихъ только наружное христіанство, мѣста, заранѣе хорошо прочувствованныя и прочитанныя ³⁾, могутъ, по его мнѣнію, лучше подѣйствовать на народъ.

Здѣсь кончается гомилетика Гоголя. Можетъ быть, вы скажете, что всѣ эти совѣты не слишкомъ глубоки; пусть, но ихъ все же не мѣшаетъ напомнить: слишкомъ часто ихъ забываютъ.

А особенно, кажется, не нужно забывать самый избитый и старый изъ его совѣтовъ. Не нужно слишкомъ торопиться съ словомъ, нужно вынашивать его, давать ему вызрѣть. Нужно взвѣшивать каждую мысль слова. «Всѣ великіе воспитатели людей налагали долгое молчаніе именно на тѣхъ, которые владѣли даромъ слова, именно въ тѣ поры и въ то время, когда больше всего хотѣлось имъ пощеголять словомъ

¹⁾ «Что такое слово»—Изъ переп. съ друзьями письмо IV.

²⁾ «Споры»—Ibid письмо XI.

³⁾ Письмо XXII. Русскій помѣщикъ.

и рвалась душа указать даже много полезного людям: они слышали, какъ можно опозорить то, что стремишься возвысить, и какъ на всякомъ шагу языкъ нашъ есть нашъ предатель. Наложь дверь и замки на уста твои» говорить Иисусъ Сирахъ: «растопи золото и серебро, какое имѣешь, дабы сдѣлать изъ нихъ вѣсы, которые взвѣшивали бы твое слово, и выковать надежную узду, которая бы держала твои уста»¹⁾.

Рядомъ съ проповѣдью сильное средство воздѣйствія въ рукахъ священника исповѣдь. Это тоже видъ проповѣди именно индивидуальной, направленной къ отдѣльному лицу. Этому виду проповѣди Гоголь придаетъ огромное значеніе и даже указываетъ примѣры оздоровляющаго вліянія такой исповѣдной бесѣды. Мы не станемъ останавливаться на этихъ примѣрахъ, но не можемъ опустить случая выразить усиленное пожеланіе, чтобы не оставляли безъ вниманія этой мысли Гоголя.

Выходя отчасти изъ границъ собственно Гоголевскаго матеріала, смѣемъ прибавить, что часто это даже единственный возможный видъ проповѣди. Нужно, говоритъ Гоголь, чтобы *незнающіе Христа, хоть изъ любопытства заглянули въ церковь, перешагнули порогъ ея*. Есть люди, которые приходятъ на исповѣдь по официальной обязанности. Духовникъ здѣсь имѣетъ случай задѣть, по крайней мѣрѣ, любопытство пришедшаго, онъ долженъ показать ему христіанство тѣми сторонами, которыя примыкаютъ къ его міровоззрѣнію; можетъ быть и онъ увидитъ въ христіанствѣ что-нибудь свѣтлое и (простите за повтореніе)—за этимъ свѣтлымъ «пятномъ» потянется, хоть изъ любопытства къ свѣту. *Главное, чтобы перешагнулъ порогъ...*

Никакихъ матеріальныхъ и принудительныхъ средствъ

¹⁾ Письмо IV. Что такое слово.

воздѣйствія нѣтъ въ рукахъ священника, но ихъ и не нужно. И двумя указанными средствами онъ можетъ переродить человѣка, воспитать его въ сына Божія. Лишь бы не забывалъ онъ дороги, которая ведетъ къ власти надъ чужой совѣстью—эта дорога любовь, дѣлающая священника «меньшимъ въ своей братіи».

Судьбы народа русскаго въ твоихъ рукахъ, православный священникъ.

Правда Бѣлинскій по поводу «Переписки» утверждалъ, будто проповѣдники Евангельскаго Слова уже не нужны міру «пережившему времена наивнаго благочестія и должны уступить пионерамъ и провозвѣстникамъ новой культуры, но... это было lapsus пера которымъ водило чувство гнѣва. Проповѣдуя отдѣленіе христіанства отъ церкви и высвобожденіе его отъ пастырей, великій критикъ забылъ, что именно «пастыри на своихъ плечахъ вынесли святыню церкви, мученичествомъ своей смерти запечатлѣли всякаго слова Христова, проповѣдуемаго ихъ устами, гибли тысячами, молясь за убійцы и, наконецъ, утомили самихъ палачей, такъ что побѣдители упали къ ногамъ побѣжденныхъ и весь міръ исповѣдалъ ихъ ученіе»¹⁾).

Кто же дерзнетъ взять учительство отъ этихъ учителей и осмѣлится взойти на кафедру, освященную ихъ кровью и ихъ молитвой?

Вотъ и все, что сказалъ русскому священнику великій русскій писатель. Мало этого? *Можетъ быть*, но достаточно, еслибы священникъ взялъ за правило жизни, хоть это немного.

Въ заключеніе я радъ, что могу отъ имени Н. В. повторить то, что говорилъ вамъ одинъ разъ и ранѣе. Помните,

¹⁾ Кудашъ, т. V, 463.

мои дорогие друзья, что вы живете здѣсь на деньги темнаго народа. Это, деньги «святыя и выстраданныя» (выраженіе Гоголя).

Народъ отдаетъ вамъ огарки отъ своихъ трудовыхъ свѣчей съ тѣмъ, чтобы вы принесли свѣтъ назадъ къ нимъ же.

Грѣхъ, если деньги не получаютъ того сятаго и свѣтлаго назначенія, для котораго отданы.

Второй совѣтъ, (а пожалуй и не совѣтъ) повидимому, не будетъ стоять ни въ какой связи съ предыдущимъ. Но вѣдь кромѣ внѣшней связи возможна и другая связь.

«Приходилось ли вамъ когда либо желаніе непреодолимое, сильное желаніе читать Евангеліе? Я разумѣю не желаніе, похожее на долгъ, вѣтъ, сердечный порывъ? Читаете-ли? «но не окончу рѣчи... (это все слова Гоголя), есть предметы такіе интимныи святыя, что о нихъ лучше не договаривать», — предоставляя спрошенному дать отвѣтъ только предъ совѣстью.

Молитесь.

И. Михайлѣ.

Изъ Воронежской церковной старины ¹⁾).

Архимандритъ Исаія.

Въ 1714 году въ Воронежскіе епископы былъ посвященъ архимандритъ Бесериканскаго монастыря, что въ Валахія, Пахомій Шпаковскій. Происходя, вѣроятно, изъ южно-русскаго шляхетства, на что указываетъ его фамилія (*szrak* по польски значитъ *скворецъ*), Пахомій долго жилъ въ Валахія и настолько освоился съ новымъ отечествомъ, что когда прибылъ въ Россію и сдѣлался епископомъ, то окружилъ себя румынами, отчасти пріѣхавшими съ нимъ, отчасти

¹⁾ Продолженіе. См. № 6 Вор. Епарх. Вѣд.

прибывшими въ Воронежъ впослѣдствіи. Таковы были: Александръ *Накулъ*, вызванный Пахоміемъ изъ Валахіи въ 1718 году и служившій у него дворецкимъ; келейникъ *Маркъ*, потомъ монахъ Александроневскаго монастыря, іеромонахъ *Веніаминъ*, бывший впослѣдствіи флотскимъ священникомъ и архимандритомъ Псковскаго Снятогерскаго монастыря и др. Въ числѣ послѣднихъ былъ и *Исаія*, который сталъ извѣстенъ потомъ подъ прозваніемъ Исаи *Волошинина*, Исаи *Воронежскаго* ¹⁾.

Исаія былъ игуменомъ Вознесенскаго монастыря въ г. Сочавѣ, въ Валахіи. Въ 1717 году онъ пріѣзжалъ въ Москву для прошенія милостины и, встрѣтившись здѣсь съ митр. Пахоміемъ, бывшимъ въ это время также въ Москвѣ, Исаія вмѣстѣ съ нимъ отправился прямо въ Воронежъ, такъ что дача, которую онъ получилъ отъ русскаго правительства для своего монастыря въ количествѣ 50 руб., не дошла по назначенію ²⁾. Пахомій и Исаія знали другъ друга давно, такъ какъ послѣдній былъ постриженникомъ Бесериканскаго монастыря именно въ то время, когда архимандритомъ его былъ Пахомій; этимъ и можно объяснить, почему митрополитъ, такъ высоко ставилъ Исаю, что очень скоро сдѣлалъ его архимандритомъ Елецкаго Троицкаго монастыря. Исаія былъ не безъ образованія и знакомъ былъ съ философіей и богословіемъ ³⁾.

Дѣятельность архимандрита Исаи началась тѣмъ, что онъ былъ назначенъ правителемъ Успенскаго Донецкаго монастыря, который только что въ 1718 году, былъ подчиненъ Воронежскому архіерею. Исаія былъ иностранецъ; подобно всѣмъ иноземцамъ, смотрѣвшимъ на Россію и русскихъ свя-

¹⁾ Описан., т. III, № 184; т. II, ч. 1, № 119; т. V, № 96, 343.

²⁾ Опис., т. V, прилож. VII, стр. CLXIV—CLXV

³⁾ Тамъ же, № 320.

сока, и онъ усвоилъ себѣ такой же взглядъ. Волохи Пахомія очень многое позволяли себѣ, почему крестьяне архіерейскаго дома, надъ которыми они своевольничали, жаловались Св. Синоду и послѣдній строго приказалъ митрополиту унять ихъ ¹⁾. Не лучше своихъ соплеменниковъ былъ и архимандритъ Исаія. Въ скоромъ времени монахи подчиненной ему пустыни подали одну за другой двѣ жалобы въ Сенатъ и Синодъ, въ которыхъ говорилось, что Исаія, будто бы по приказанію Пахомія, расхищалъ монастырское имущество, управляя имъ безотчетно, обращался съ монахами жестоко и самоуправно, билъ ихъ «по турецки», т. е. палками по пяткамъ, трактовалъ братію какъ «булавинцевъ» и проч. ²⁾. По этимъ жалобамъ Св. Синодъ приказалъ произвести слѣдствіе въ Московскомъ Приказѣ Церковныхъ дѣлъ, куда вызваны были всѣ оговоренныя лица; митрополитъ же Пахомій, который собственно былъ главнымъ обвиняемымъ, долженъ былъ присылать въ Москву письменные отвѣты на вопросы слѣдователей. Послѣ отобранія показаній отъ всѣхъ замѣшанныхъ въ дѣло лицъ Приказъ Церковныхъ Дѣлъ заготовилъ докладъ Св. Синоду, какъ неожиданно доносители въ 1722 г. подали противоположанія, которыми рѣшеніе дѣла въ Синодѣ, клонившееся не въ пользу отвѣтчиковъ, было остановлено, а потомъ, и совсѣмъ прекращено. Въ чемъ состояли новыя доношенія братіи, неизвѣстно; только они оказались очень благопріятными для архимандрита и взятаго вмѣстѣ съ нимъ Новопавловскаго протопопа Александра. Въ Юніѣ того же 1722 г. по письму оберъ-прокурора синодальнаго Болтна оба они были освобождены отъ ареста ³⁾. Но это дѣло было только началомъ мытарствъ для Исаіи. Какимъ-то образомъ онъ

¹⁾ Описан., т. III, стр. XXXIV.

²⁾ Во всемъ этомъ обвинялся и самъ м. Пахомій. Опис., т. X, № 181.

³⁾ Описан., т. I, № 368; т. II, ч. 1, № 758, прилож. LVII.

снова былъ оговоренъ въ укрывательствѣ, (неизвѣстно—какихъ),—неприличныхъ выраженій противъ персоны Ея Величества. Исаія снова взятъ былъ подъ караулъ и отправленъ въ Петербургъ въ Преображенскій Приказъ; произведенное слѣдствіе обнаружило, что архимандритъ дѣйствительно былъ виновенъ, въ чемъ его оговорили, и такъ какъ онъ не хотѣлъ сознаться, то его за «упорное заперательство» приговорили къ жестокому (какому—неизвѣстно) наказанію. Св. Синодъ, однако, принимая во вниманіе, что Исаія былъ иноземецъ, «валахъ», русскій языкъ зналъ плохо и при томъ чернецъ, ограничилъ наказаніе только тѣмъ, что, лишивъ его званія архимандрита, приказалъ бить шелепами публично въ Александроневскомъ монастырѣ при всей братіи, «несподовно», и сослать въ Соловецкій монастырь. Это смягченное наказаніе, императрица Екатерина еще болѣе смягчила, повелѣвъ вмѣсто Соловковъ помѣстить на жительство бывшаго архимандрита въ Александроневскій монастырь.

Послѣ такого позора Исаія трудно было разсчитывать на что-л. хорошее въ Россіи, тѣмъ болѣе, что и покровитель его м. Пахомій уже умеръ; поэтому онъ сталъ просить, чтобы его отпустили въ Бесериканскій монастырь на родину, «ради сиротства малолѣтняго своего сына, находящагося тамъ безъ призрѣнія и ученія». Прошеніе Исаія Св. Синодъ передалъ на заключеніе Иностранной Коллегіи, которая рѣшила, что «отпустить Исаію въ Волошскую землю ради бывшихъ дѣлъ о немъ есть не безъ сумнѣнія». Тогда Синодъ постановилъ (1724 г.): «быть ему Исаію въ Ревельской эсвадрѣ для священнослуженія на корабляхъ безперемѣнно, а жалованье и порціи какъ въ бытность на корабляхъ, такъ и на сухомъ пути давать ему откуда надлежитъ по указамъ». Такъ Исаія сдѣлался флотскимъ священникомъ сначала на кораблѣ «Полтава», а потомъ переведенъ былъ

на судно «Принцъ Евгеній». Три года прослужилъ Исаія во флотѣ, а потомъ былъ возвращенъ въ Александроневскій монастырь, но такъ какъ Синодъ опредѣлилъ служить ему на корабляхъ безперемѣнно, то такое распоряженіе морскаго начальства было незаконно и въ Ноябрь 1725 года онъ уже снова былъ въ Ревелѣ 1). Подобная безпокойная жизнь и давнишнее недовольство Россіей заставили Исаію обратиться въ Св. Синодъ съ новой просьбой объ отпускѣ его въ Валахию, причемъ онъ выставлялъ на видъ свою усердную службу на флотѣ, на которомъ онъ былъ въ разныхъ кампаніяхъ, и однако и на этотъ разъ просьба была безуспѣшна: онъ попрежнему оставленъ былъ въ Ревельской эскадрѣ 2). По смерти оберъ-іеромонаха Іоны Казанскаго оставшіеся въ С.-Петербургѣ синодальные члены Ѳ. Лопатинскій и Игнатій Смола опредѣлили «надъ всѣми бывшими въ Ревельской эскадрѣ іеромонахами первенство имѣть и команду содержать, до указа, Исаіи, а о совершенной ему Исаіи бытности оберъ іеромонахомъ требовать резолюціи отъ всецѣлаго синодальнаго собранія». Когда такимъ образомъ въ судьбѣ «валаха» готова была произойти нѣкоторая переизмѣна, намѣстникъ Александроневскаго монастыря іеромонахъ Веніаминъ вопелъ въ Синодъ съ представленіемъ, что «обрѣтающіеся въ Ревельской и Кронштадской эскадрѣ іеромонахи въ кампаніяхъ разныхъ довольное время служили, а нѣкоторые изъ нихъ ни монастыря, ни монастырской службы отнюдь не знаютъ, а именно: въ Ревельской эскадрѣ Исаія Волошанинъ, — немногое время, и то не безъ порока, въ монастырѣ пожилъ выправивши указъ быть безперемѣнно во флотѣ, живетъ тамъ во всякомъ безстрашіи, не безъ соблазна тамошнихъ

1) Опис., т. V, № 369.

2) Опис., т. III, № 595.

обывателей». Въ виду этого намѣстникъ предлагалъ возвратить Исаію въ Александроневскій монастырь, а на его мѣсто во флотъ отправить какого-л. другого іеромонаха. Св. Синодъ не согласился съ мнѣніемъ о. Веніамина, даже сдѣлалъ ему такое внушеніе: впредь таковыхъ изъ Александроневскаго монастыря отъ намѣстника въ Синодальную канцелярію доношеній не принимать, а принимать о всякихъ дѣлахъ доношенія за рубою того Александроневскаго монастыря архимандрита ¹⁾; относительно же Исаіи Синодъ приказалъ справиться опять въ Иностранной Коллегіи, не имѣется-ли какого по дѣламъ до него подозрѣнія, и хотя Коллегія отвѣтила, что за Исаіей ни какихъ дѣлъ ни значитъ, тѣмъ не менѣе Синодъ никакого опредѣленія не сдѣлалъ ²⁾. Изъ послѣдующаго времени видно, что Исаія продолжалъ исправлять должность оберъ-іеромонаха до самого 1731 года. Въ этомъ году онъ донесъ, что изъ Ревельской кворторы надъ портомъ ему присланъ ордеръ о высылкѣ его въ Петербургъ и объ отрѣшеніи отъ оберъ-іеромонашескаго жалованья. Исаія спрашивалъ, какъ ему поступить въ этомъ случаѣ, имѣя въ виду синодальный указъ отъ 1724 года о безперемѣнномъ пребываніи ему во флотъ, но Св. Синодъ и на этотъ разъ не сдѣлалъ ни какаго распоряженія.

(Продолженіе будетъ).

НЕКРОЛОГЪ.

(† Священникъ Сусеонъ Михайловичъ Чубинскій).

6 Марта сего года въ 6^{1/2} часовъ вечера послѣ продолжительной и тяжелой болѣзни скончался священникъ Богоро-

¹⁾ Опис. т. VIII, № 3; Пол. Собр., т. VI, № 2101.

²⁾ Тамъ же, № 44.

дицкой церкви слободы старой Мѣловой, Богучарскаго уѣзда Сумеонъ Михайловичъ Чубинскій на 71 году своей жизни.

Усопшій былъ сынъ священника и рано остался сиротою. Горе и нужда сиротской жизни особенно были тяжелы для отца Сумеона послѣ пожара, истребившаго все отцовское имущество.

Воспитаніе о. Сумеонъ получилъ сначала въ Воронежской духовномъ училищѣ, а затѣмъ и въ семинаріи, въ которой въ 1853 году окончилъ курсъ со степенью студента. Жизнь свою въ семинаріи покойной вспоминалъ съ удовольствіемъ, а особенно свое пребываніе въ богословскомъ классѣ, когда онъ исполнялъ должность ктитора семинарской церкви и пользовался отдѣльной комнатою въ семинарскомъ корпусѣ.

По окончаніи курса въ семинаріи о. Сумеонъ, какъ усердный и скромный студентъ, отличавшійся своимъ кроткимъ религіозно-правственнымъ характеромъ, былъ отрекомендованъ ректоромъ семинаріи въ семью Воронежскаго помѣщика Д. Черткова въ качествѣ учителя Русскаго языка и законоучителя для его сына Феодора Димитріевича Черткова. Послѣ трехлѣтней педагогической дѣятельности въ домѣ Черткова, въ 1856 году 4 Іюня о. Сумеонъ былъ опредѣленъ священникомъ въ Богоявленской церкви села Оуминой Негачевки, Землянскаго уѣзда. Давая ему это мѣсто, преосвященный Іосифъ сказалъ ему: „даю тебѣ приходъ бѣдный и разстроенный, но если ты мнѣ его исправишь, то я тебя переведу на очень хорошее мѣсто въ епархіи“. Полный энергіи и силъ, съ идеальными взглядами на жизнь вообще и пастырскую въ особенности, молодой іерей смѣло отправился на свой приходъ и убѣдился самымъ дѣломъ, что все сказанное ему о разстроенности его прихода сущая правда. Церковь въ Негачевкѣ была запущена и грязна, съ обвалившеюся штукатуркою и дырявою крышею; ктиторъ—человѣкъ гордый, самоуправный, не признающій надъ собою никакой власти и не терпящій никакихъ указаній; прихожане грубы и не почти-

тельны къ своему священнику. Всякое распоряженіе о. Сумео́на—вымести пыль въ церкви, обмести пыль со стѣнъ и снять паутину—вызывало со стороны исполнителей дѣлую бурю протеста. Много и настойчиво трудился о. Сумео́нъ надъ своимъ приходомъ и во всѣхъ затруднительныхъ случаяхъ лично обращался къ преосвященному Іосифу, который не только не тяготился давать ему совѣты, но даже и любилъ это дѣлать. Благодаря своимъ неутомимымъ трудамъ, о. Сумео́нъ къ концу третьяго года своей службы въ Негачевкѣ отремонтировалъ свою церковь, сообщилъ ей должное благолѣпіе, исправилъ свой причтъ, на свои средства открылъ школу для мальчиковъ и дѣвочекъ, училъ прихожанъ своимъ сердечнымъ словомъ и своею примѣрно честною и идеально правдивою жизнію, смягчилъ ихъ нравы и приобрѣлъ ихъ любовь и уваженіе. Такую усердную и благотворную пастырскую дѣятельность покойнаго вполнѣ оцѣнили преосвященный Іосифъ и, согласно его просьбѣ и своему обѣщанію, въ 1861 году 27 Ноября перевелъ его въ слободу Вейделевку, Валуйскаго уѣзда. При вѣсти объ этомъ признательные прихожане Негачевки глубоко опечалились и, послѣ неотступныхъ просьбъ не оставлять ихъ, провожали своего любимаго пастыря дѣлныхъ семь верстъ.

Въ Вейделевкѣ о. Сумео́нъ пробылъ 24 года, и это была самая цвѣтущая пора его жизни и дѣятельности. Поступивши сюда третьимъ священникомъ, онъ своимъ истовымъ отправленіемъ богослуженія, непрестаннымъ учительствомъ въ церкви, въ церковной сторожкѣ и по домамъ, аккуратнымъ исполненіемъ пастырскихъ обязанностей, тихимъ и кроткимъ обращеніемъ, умѣніемъ съ каждымъ поговорить и дать полезный совѣтъ, а главное своею неутомимостью привлечь въ себѣ симпатію всѣхъ прихожанъ своей церкви. Изъ экономіи Графа Панина ему было сдѣлано особое приглашеніе быть приходскимъ священникомъ всѣхъ служащихъ въ этой экономіи, при чемъ для разъѣздовъ ему была выдана лошадь съ

полнымъ для нея фуражнымъ продовольствіемъ. Знакомая съ своею церковью, о. Сумеонъ изъ описи узналъ, что въ Вейделевской церкви между прочимъ имѣется крестъ съ частью Древа Животворящаго Креста Господня, который онъ и отыскалъ, послѣ немалыхъ трудовъ, въ церковномъ архивѣ ветхимъ и совершенно забытымъ. Подъ вліяніемъ своего глубокаго благоговѣнія къ такой святынь, о. Сумеонъ объявилъ о ней своимъ прихожанамъ, которые и отнесли къ ней съ должнымъ благоговѣніемъ и возносили передъ этимъ крестомъ свои молитвы къ Тому, Кто былъ распятъ на Крестѣ. Все это не понравилось нѣкоторымъ: поступокъ его переданъ былъ мѣстному благочинному въ превратномъ видѣ, а послѣдній къ такому же видѣ донесъ Епархіальному начальству. Возникло цѣлое дѣло, причинившее о. Сумеону не мало хлопотъ, огорченій и тяжелыхъ нравственныхъ страданій. Въ шестидесятихъ годахъ, при введеніи крестьянской реформы, о. Сумеонъ своимъ душевнымъ и властнымъ словомъ на столько благотворно вразумлялъ и поучалъ недовольныхъ и волнующихся Вейделевцевъ, что они прекратили волненія, согласившись на условія своего помѣщика и постановили отслужить по этому случаю общій молебень. За все это владѣлецъ вотчины Министръ Юстиціи Графъ Викторъ Никитичъ Панинъ наградила о. Сумеона, чрезъ своего управляющаго, двумя стами руб. и выразилъ ему свою признательность въ слѣдующихъ словахъ: „Благотворныя дѣйствія на Вейделевскихъ крестьянъ священника Сумеона Чубинскаго я нахожу заслуживающими особеннаго моего вниманія и кромѣ награды вы можете сообщить сему священнику, что дѣйствія его и на будущее время не останутся безъ моего вниманія“. — При всей трудности пастырскихъ обязанностей, еще болѣе осложнявшихся разбро-санностью прихода, состоящаго изъ слободы и болѣе десяти хуторовъ, изъ которыхъ самый ближній былъ въ 6 верстахъ отъ Вейделевки, а самый дальній въ двадцати верстахъ, о. Сумеонъ въ эту пору своей жизни проявилъ самую широкую

педагогическую дѣятельность. Онъ занимался въ очень многолюдной земской школѣ по закону Божію, готовилъ самъ своихъ дѣтей въ старшіе классы училищъ, училъ закону Божію и латинскому языку дѣтей управляющаго экономіей, для чего ему приходилось ѣздить къ нимъ въ домъ за 12 верстъ отъ слободы Вейделевки, и много трудился надъ своимъ собственнымъ самообразованіемъ, чтобы быть добрымъ пастыремъ и добросовѣстнымъ учителемъ. Любимымъ его отдыхомъ было поговорить съ своимъ гостемъ о какомъ—либо предметѣ. Въ своихъ разговорахъ о. Сумеонъ былъ неистощимъ. Онъ, какъ про него говорили, могъ заговорить человѣка, обладая хорошою памятью, которую онъ сохранилъ до старости, онъ на всякій случай могъ рассказать какойнибудь жизненный примѣръ или событіе со всѣми характеристическими чертами, ускользящими отъ вниманія многихъ. Подъ неотразимымъ вліяніемъ своего благодушія и мягкосердечія о. Сумеонъ видѣлъ въ каждомъ человѣкѣ своего друга и пріятнаго собесѣдника и съ одинаковымъ увлеченіемъ разговаривалъ съ знатными и простыми людьми, съ богатыми и бѣдными, съ убѣжденными сѣдинами старцами и простодушными дѣтьми. „Нашъ батюшка и маленькаго ребенка не пропуститъ—и съ тѣмъ поговоритъ“, говорили про него прихожане. Къ малымъ дѣтямъ о. Сумеонъ относился съ особенною любовью. Находясь уже на смертномъ одрѣ, онъ любилъ проводить время съ своими небольшими внучками—дѣтьми сына, рассказывая имъ событія изъ Священной Исторіи. На вопросъ, не тяготятъ ли онѣ его своей бѣготней, онъ обыкновенно отвѣчалъ, „а я ее и не замѣчаю“...

За свою полезную пастырскую дѣятельность въ Вейделевкѣ о. Сумеонъ былъ награжденъ Епархіальнымъ начальствомъ въ 1865 году набодренникомъ, въ 1869 году фіолетовой скуфьею, а въ 1871 году камилавкою.

Разбросанность Вейделевского прихода и глубокая привязанность къ своей старшей дочери, бывшей въ замужествѣ

за священникомъ Старой Мѣловой, Богучарскаго уѣзда, побудили о. Сумеона проситься о переводѣ въ Старую Мѣловую къ Богородицкой церкви, куда онъ и былъ переведенъ въ 1885 г. 29 Октября.

Въ Старой Мѣловой о. Сумеонъ, попрежнему, ревностно исполнялъ свои пастырскія обязанности, за что и награжденъ былъ Епархіальнымъ начальствомъ въ 1891 году наперснымъ крестомъ, а въ 1899 Орденомъ Святой Анны 3-й степени. Мѣстное духовенство по достоинству цѣнило религіозно-нравственный и безукоризненно правдивый характеръ о. Сумеона и въ 1890 г. единогласно избрало его своимъ духовникомъ, которымъ онъ и былъ до своего выхода въ заштатъ.

Печальна и грустна была жизнь о. Сумеона въ Старой Мѣловой. Не прошло и двухъ мѣсяцевъ послѣ его перехода въ эту слободу, какъ дочь его, жившая здѣсь, заболѣла, а черезъ двѣ недѣли и умерла. Это такъ повліяло на о. Сумеона, что онъ цѣлые годы потомъ ходилъ, по его выраженію, какъ пришибленный. Скоро послѣ этого заболѣла его жена очень сильной и продолжительной болѣзнію горла, отъ которой оправилась только черезъ четыре года. Все это въ связи съ новой обстановкой, новыми обычаями и знакомыми сдѣлало о. Сумеона не узнаваемымъ. Правда, по виду онъ какъ будто и не измѣнился и выглядывалъ бодрымъ и для своихъ лѣтъ молодавымъ, но его добрая, воспримчивая и вѣжно любящая душа была сильно потрясена постигшимъ его горемъ. Когда рана сердца о. Сумеона стала подживать, его постигло новое горе: умеръ его старшій сынъ, котораго о. Сумеону пришлось похоронить рядомъ съ своею дочерью. Послѣднее тяжелое горе раскрыло прежнюю сердечную рану о. Сумеона, подавило его энергію и разстроило всѣ силы его организма, которыя замѣтно угасали, вслѣдствіе начавшихся хроническихъ нервныхъ страданій. Два съ половиной года удручали они о. Сумеона; цѣлыхъ два года онъ боролся съ ними, но вида, что эта борьба ему не подъ силу, вынужденъ

былъ 14 Апрѣля 1901 года выйти за штатъ. Годъ и пять мѣсяцевъ о. Сумеонъ испытывалъ острую и сильную нервную боль въ ногахъ и проводилъ день и ночь въ качалкѣ, а послѣдніе четыре мѣсяца своей жизни лежалъ на смертномъ одрѣ и былъ не въ состояніи даже повернуться съ одной стороны на другую. За нѣсколько часовъ до своей смерти почившій выразилъ желаніе, чтобы читали ему Евангеліе, съ благоговѣйнымъ умиленіемъ слушалъ онъ это чтеніе и вскорѣ послѣ того съ миромъ перешелъ въ будущую безсмертную жизнь, гдѣ нѣтъ ни печали, ни воздыханія.

Погребеніе о. Сумеона происходило 9 Марта сего года въ день храмоваго праздника въ придѣльномъ алтарѣ церкви, при которой онъ состоялъ священникомъ. Стеченіе народа какъ при погребеніи, такъ и наканунѣ этого дня, когда гробъ съ его тѣломъ былъ вынесенъ въ церковь, было многочисленное. Всѣмъ хотѣлось дать послѣднее цѣлованіе своему доброму пастырю... Въ погребеніи участвовало семь священниковъ и пять діаконовъ; пѣлъ хоръ мѣстныхъ пѣвчихъ. Предъ началомъ погребенія мѣстный священникъ Іоаннъ Абрамовъ обратился къ прихожанамъ съ своимъ надгробнымъ словомъ, въ которомъ охарактеризовалъ покойнаго, какъ добраго, честнаго и правдиваго пастыря, и просилъ всѣхъ предстоящихъ слезно молиться за усопшаго, да не будетъ онъ низведенъ на мѣсто мученія, но да учинитъ его Господь, идѣже праведные упокоиваются. Во время погребенія предъ пѣніемъ: „Со святыми упокой“ была сказана прощальная рѣчь священникомъ слободы Ширяевой о. Андреемъ Поповымъ, а предъ выносомъ гроба изъ храма произнесено напутственное слово духовникомъ почившаго священникомъ І. Воскобойниковымъ. Гробъ съ прахомъ усопшаго, при красномъ звонѣ и пѣніи канона „Помощникъ и Покровитель“, былъ обнесенъ вокругъ храма и погребенъ въ церковной оградѣ, рядомъ съ могилами сына и дочери покойнаго. Миръ праху твоему, нашъ добрый товарищъ и духовный отецъ!

Священникъ І. Абрамовъ.

Спасопреображенскій Толшевскій монастырь ¹⁾.

(Очеркъ изъ исторіи монашества на Дону).

Послѣ непродолжительнаго настоятельства *Самуила* (1827 г.) и *Виктора* (до 1831 г.), игуменомъ монастыря былъ опредѣленъ *Амвросій*, совмѣщавшій до 1834 г. настоятельство съ экономскою должностію при Архіерейскомъ домѣ. Управление этого настоятеля ознаменовалось важными нововведеніями, клонившимися къ внутреннему и вѣшнему возвышенію монастыря.

Какъ уже указано выше, монастырскій порядокъ не могъ не нарушаться отъ того, что посѣтителы монастыря, за неимѣніемъ гостинницы, останавливались въ свободныхъ монастырскихъ кельяхъ. Это открывало во всякое время доступъ въ монастырскія стѣны женщинамъ и выходъ изъ монастыря монахамъ, такъ какъ невозможно, при такомъ порядкѣ дѣла, требовать, чтобы монастырь былъ запираемъ на всю ночь. Для устраненія этого неудобства, а также и для экономическихъ выгодъ монастыря еще раньше въ 1806 г., благочинный архим. Іустинъ предлагалъ выстроить при монастырѣ гостинницу. Теперь это предположеніе было осуществлено. Въ мартѣ 1835 г. игумень Амвросій обратился къ преосв. Антонію съ слѣдующимъ репортомъ. „Отъ древнихъ Св. Отецъ, во многихъ Лаврахъ и монастыряхъ, для особеннаго внутренняго душевнаго спокойствія, положено было непремѣнное правило—запрещеніе свободно ходить женскому полу по кельямъ монастырской братіи, равнымъ образомъ и въ настоящее время правило сіе въ Валаамской, Саровской, Софроніевой, Глинской и прочихъ пустыняхъ хранится ненарушимо. Во вѣренномъ же мнѣ Спасопреображенскомъ Толшевскомъ монастырѣ, по случаю небытія особенной гостинницы, правило сіе въ точности сохраниться не могло. Теперь же для госте-

¹⁾ Продолженіе. См. № 8 Вор. Епарх. Вѣд.

примства устроены особенный корпусъ въ монастыря, который всегда свободно вмѣщаетъ всѣхъ приходящихъ на поклоненіе въ монастырь, и не настоятъ нужды въ нарушеніи правила, отъ древнихъ Св. Отецъ постановленнаго, для душевнаго назиданія, того ради не благоугодно ли будетъ Вашему Восокопреосвященству кому надлежитъ повелѣть снабдить обитель предписаніемъ, чтобы входъ женскаго пола по кельямъ монастырской братіи и къ самому настоятелю отнюдь позволяемъ не былъ, а равнымъ образомъ, чтобы никто изъ братіи безъ объясненія нужды настоятелю въ гостепріимницу ходить не могъ“. „На благонамѣренное предположеніе сіе я согласенъ“, писалъ на этомъ отношеніи преосв. Антоній; „послать о семъ къ настоятелю монастыря указъ. Марта 29 дня 1835 г.“¹⁾.

Въ то же игуменство монастырь рѣшилъ увѣковѣчить память святителя Тихона, тогда еще не канонизованнаго церковью. Съ этою цѣлью игуменъ Амвросій въ 1832 году испросилъ у преосв. Антонія II разрѣшеніе на постройку часовни или, какъ ее называютъ въ монастырѣ *киновіи* на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ раньше стояла келья святителя. Сюда были помѣщены нѣкоторые предметы, оставшіеся отъ него въ монастырѣ: крестъ, иконы, кресло. Совпаденіе постройки этой киновіи съ открытіемъ мощей Св. Митрофана наводитъ на мысль, что послѣднее обстоятельство заставило Толшевскую братію внимательнѣе отнестись къ памяти втораго Воронежскаго святителя, выдававшася своею праведною жизнью.

Вѣроятно, относительное благоустройство монастыря при игуменѣ Амвросіи дало мысль преосв. Антонію II ходатайствовать объ увеличеніи братіи монастыря предъ Св. Синодѣмъ. „Принявъ во вниманіе, во 1-хъ, что Воронежской Епархіи семибратній заштатный общежительный Толшевскій Спасо-преображенскій мужской монастырь по началу своему есть довольно древній; ибо, какъ значитъ по старымъ монастыря

¹⁾ Арх. д. Консист., д. Толш. м. 1835, № 529.

сего грамотамъ, основанъ въ XVII столѣтїи въ царствованіе государя царя Алексѣя Михайловича около 1646 года; во 2-хъ, что монастырь сей, при Высочайше жалуетыхъ на оный милостинныхъ 300 р. въ годъ, имѣеть содержаніе, въ составъ коего входитъ владѣніе отведеннымъ къ оному лѣсомъ, въ числѣ 410 (?) десятинъ, и сверхъ того тремя мельницами, весьма достаточное для содержанія 30 человекъ братіи; въ 3-хъ, что сей монастырь состоящій внѣ жительства (?) на 40 верстѣ отъ губернскаго г. Воронежа, по пустынной уединенности его, есть самый удобный для монашества, и до штатовъ, въ 1764 г. на духовныя мѣста состоявшихся, братіи въ немъ всегда находилось значительное число, и въ 4-хъ, что Воронежская Епархія терпитъ весьма ощутительный недостатокъ въ монашествующихъ и не можетъ имѣть ихъ, не имѣя разсадника, каковымъ можетъ быть Толшевскій монастырь, какъ монастырь пустынный и общежительный; предлагаю Консисторїи заготовить отъ имени моего представленіе въ Св. Прав. Синодъ о исходатайствованїи, на основанїи изложенныхъ обстоятельствъ Высочайшаго Его Имп. Величества соизволенія на увеличеніе штата Толшевскаго монастыря, по примѣру Глинской Богородицкой пустыни, въ Курской Епархїи состоящей, до 30 человекъ, съ оставленїемъ онаго по прежнему на собственномъ его содержанїи. Октября, 3 дня 1837 г. Антоій, Архіепископъ Воронежскій и Задонскій ¹⁾. 10 Января 1838 г. послѣдовало Высочайшее соизволеніе на увеличеніе штата. Препровождая указъ Св. Синода объ этомъ въ монастырь, преосв. Антоій присовокупилъ къ нему слѣдующую резолюцію: Игумень „по полученїи сего (указа), съ прочею братїею соборне, въ слѣдующій воскресный день, т. е. въ день Православїа, совершилъ (бы) благодарственное молебствїе о здравїи и спасенїи Государя Императора со всею Августѣйшею фамиліею и о благоденствїи Св. Правительствующаго Синода“ ²⁾.

¹⁾ Арх. д. Консист., д. Толш. м., 1837, № 585.

²⁾ Арх. Толш. м. Т. LVII, №

Еще въ концѣ 1835 г. игумень Амвросій сталъ проситься на покой, по причинѣ болѣзни. Указывая на нездоровый климатъ въ скрестностяхъ Толшевскаго монастыря, онъ просилъ опредѣлить его въ братство Задонскаго монастыря. Выразивши на это свое согласіе, преосв. Антоній II опредѣлилъ „имѣть ему предъ тамошнею братіею старшинство“ (1836 г. 26 Октября ¹). Но въ слѣдующемъ году мы снова видимъ его въ Толшахъ и не можемъ даже рѣшить, удалялся ли онъ въ Задонскъ.

Такимъ образомъ управленіе игумена Амвросія ознаменовалось благодѣтельными для монастыря нововведеніями. Между тѣмъ въ это время въ монастырь былъ присланъ на епитемію *архимандритъ Теофилъ*. Остановившись, до переселенія въ Толши, въ архіерейскомъ домѣ, онъ вошелъ въ такое довѣріе къ преосв. Антонію II, что тотъ оставилъ его временно у себя, а затѣмъ такъ полюбилъ его, что испросилъ ему прощеніе епитеміи и назначилъ настоятелемъ Толшевскаго монастыря, однако съ оставленіемъ для жительства въ Архіерейскомъ домѣ. Сдѣлавшись наперсникомъ архіерея и членомъ консисторіи, архим. Теофилъ не имѣлъ времени вникать въ дѣла своего монастыря. Дѣятельность его выразилась, впрочемъ, въ ревизіи монастыря, который онъ нашелъ въ очень удовлетворительномъ состояніи, какъ нравственномъ, такъ и экономическомъ ²). Монастыремъ управлялъ игумень Амвросій, который сдѣлался строителемъ монастыря или, какъ опредѣлилъ преосв. Антоній, игум. Амвросій былъ поставленъ въ такія же отношенія къ архим. Теофилу, въ какихъ намѣстникъ Митрофанова монастыря стоялъ къ преосв. Антонію.

Между тѣмъ благоволеніе преосв. Антонія къ архим. Теофилу все усиливалось. 7 Февраля 1837 г. преосвященный обратился въ Консисторію съ слѣдующимъ распоряженіемъ

¹) Т. LVII, № 63.

²) Арх. Д. Консист., д. Т. и., 1836, № 558.

„Съ разныхъ сторонъ, а между тѣмъ и отъ нынѣшняго строителя Дивногорскаго монастыря доходящія до насъ свѣдѣнія о неустройствахъ по сему монастырю происходящихъ требовали опредѣлить въ оный строителя для постоянного пребыванія его въ ономъ. Не имѣя въ виду благонадежнаго на сей предметъ лица, обѣщающаго водворить въ Дивногорскомъ монастырѣ свойственное обителямъ благоустройство, признаю за единственное къ тому средство соединить сей монастырь съ монастыремъ Толшевскимъ и поручить оный начальству сего послѣдняго. Вслѣдствіи чего предлагаю консисторіи сдѣлать надлежащее распоряженіе о причисленіи Дивногорскаго монастыря къ Толшевскому и о порученіи онаго со всеѣмъ его имуществомъ завѣдыванію настоятеля Толшевскаго монастыря при посредствѣ сего монастыря строителя, коему вмѣняемъ въ обязанность имѣть одинаковое попеченіе о благѣ обоихъ обителей и во всеѣмъ руководствоваться письменными и устными внушеніями своего настоятеля, въ той несомнѣнной надеждѣ, что труды его строителя не останутся безъ должнаго вниманія со стороны Епархіальнаго Начальства, Февраля 7 дня 1837 года“¹⁾. Впрочемъ, это соединеніе монастырей, польза котораго была весьма сомнительна, въ виду отдаленности ихъ другъ отъ друга и въ виду отсутствія изъ нихъ архим. Теофила, на дѣлѣ продолжалось очень недолго. 4 Сентября 1837 года архим. Теофиль перемѣщенъ въ настоятеля второкласснаго Глуховскаго Петропавловскаго монастыря, Черниговской Епархіи. Преосв. Антоній на прощаніе изъявилъ ему чрезъ Консисторію особую благодарность. Кромѣ того, онъ обратился съ рекомендательнымъ письмомъ о немъ къ Черниговскому преосвященному и тотъ обѣщался поручить архим. Теофилу какую-нибудь особенную должность.

26 Апрѣля 1840 года именуемъ Амвросій былъ переведенъ въ строители Донецкаго монастыря. На его мѣсто въ Толшевскій монастырь опредѣленъ игуменъ Іоаннъ изъ намѣ-

¹⁾ Тамъ же, 1837, № 565.

стниковъ Архіерейскаго дома. „Для ближайшаго присмотра за устройствомъ монастыря и удобнѣйшаго наблюденія за образомъ жизни находящейся въ немъ братіи, нужно настоятелю самому имѣть постоянное въ монастырѣ пребываніе“, писалъ на этомъ опредѣленіи преосвящ. Антоній. А потому онъ уволилъ игумена Іоанна отъ намѣстничества въ Митрофановомъ монастырѣ, предписавши ему постоянно жить въ Толшахъ ¹⁾.

Управленіе игумена Іоанна, продолжавшееся до 1850 г., принадлежитъ къ числу безпокойныхъ. Монастырь въ это время насчитывалъ до 80 человѣкъ братіи, т. е. далеко заходилъ за положенный въ 1837 году штатъ. Игуменъ Іоаннъ долженъ былъ изыскивать разныя мѣры къ содержанію такой многочисленной братіи. Дѣйствительно, онъ сталъ дѣлать довольно крупныя порубки въ лѣсу, доходившія до 11 десятинъ въ одинъ годъ, вмѣсто дозволенныхъ Консисторіей двухъ десятинъ. Но особенно онъ часто прибѣгалъ къ сбору пожертвованій, для чего ежегодно посылалъ сборщиковъ—монаховъ въ разныя мѣста, преимущественно въ губерніи: Тамбовскую, Воронежскую и Область Войска Донскаго. Ежегодный расходъ при немъ возросъ до 13000 руб., вмѣсто 5000, расходовавшихся при игуменѣ Амвросіи. Несмотря на такую сравнительно крупную сумму, содержаніе братіи было не вполнѣ удовлетворительное. Монахи сами должны были заготовлять себѣ дрова изъ монастырскаго лѣсу на зиму. Столъ монастырскій состоялъ въ обѣдѣ изъ трехъ перемѣнъ, именно: въ холодномъ капуста съ квасомъ или картофелемъ, щи и каша съ масломъ; „въ праздничные дни бываетъ и рыба, хотя иногда и не въ достаточномъ количествѣ, а ужинъ очень нерѣдко готовится скудно, подаются одни щи, оставшіяся отъ обѣда“. Одѣянія неприличнаго на братіи незамѣтно, кромѣ одного, который носить полукафтанье изъ толстой бѣлой холстины“ ²⁾.

¹⁾ Арх. Толш. м. LXI, № 26.

²⁾ Арх. д. Консист., 1845/6 г., № 151: «Дѣло о неправильной порубкѣ лѣса Толш. Спасопр. м. настоятелемъ игуменомъ Іоанномъ».

Недостаткомъ правленія игумена Іоанна было то, что онъ неаккуратно велъ приходо-расходныя книги и плохо смотрѣлъ за лѣсными порубками, чѣмъ давалъ возможность расхищать лѣсъ, въ чемъ были особенно виновны казначей іером. Никонъ и экономя іеродіаконъ Аркадій, за что первый былъ переведенъ въ Валуйскій, а второй въ Донецкій монастырь.

Между тѣмъ за это время въ монастырь посылаются на покаяніе не одни простые монахи, но и образованные. Эти то послѣдніе и причиняли игумену Іоанну особенно много хлопотъ и непріятностей. Среди монаховъ простецовъ они выдѣлялись своею образованностью и, обнаруживая передъ ними свое умственное превосходство, въ свою очередь вызвали со стороны братіи недружелюбное отношеніе. Изъ такихъ подначальныхъ особенно выдѣляются четыре лица. Въ 1842 году въ Толшевскій монастырь были присланы упорные уніаты іеромонахъ Мартиніанъ Краевскій и Іосафатъ Мочарскій, для увѣщанія ихъ въ истинѣ православія. Но труды игумена были тщетны: они оставались непреклонными и часто безпокойли игумена просьбами отпустить ихъ въ Воронежъ для подачи прошенія на Высочайшее Имя объ освобожденіи ихъ изъ заключенія въ Толшевскомъ монастырѣ и о дозволеніи имъ остаться уніатами. Наконецъ, 25 Февраля 1845 года они были освобождены изъ монастырскаго заключенія, но безъ права именоваться духовными лицами и служить ¹⁾.

Но особенно много безпокойствъ игумену причинилъ бывшій архим. Сергій, изъ ректоровъ Орловской д. семинаріи. Побывавши уже въ нѣсколькихъ монастыряхъ подъ началомъ, онъ былъ посланъ въ Толши, какъ въ монастырь особенно тяжелый для эпитимійныхъ. На первыхъ порахъ онъ сошелся съ игуменомъ, сдѣлавшись у него письмоводителемъ. Игуменъ даже исходатайствовалъ ему разрѣшеніе въ священнослуженіи. Но потомъ они разошлись, и послѣ того послѣдовалъ рядъ доносовъ на игумена со стороны Сергія и благо-

¹⁾ Арх. д. Консист., д. Толш. м., № 6411.

чинному монастырей, и консисторіи и архіерею. Въ общемъ во всѣхъ этихъ доносахъ указывался уже отмѣченный выше недостатокъ игумена. вмѣстѣ съ тѣмъ онъ злостно изображаетъ необразованность толшевской братіи. Со временемъ его письма, хранящіяся въ архивѣ Консисторіи, могутъ дать интересный матеріалъ для характеристики внутренняго быта монастыря ¹⁾. Сергій былъ переведенъ въ заключеніе въ Спасо-Евѣиміевскій монастырь Владимірской Епархіи.

Наконецъ, четвертымъ необычнымъ монахомъ былъ Иосифъ, переведенной въ 1838 г. въ Толши изъ Спасо-Евѣиміева монастыря, находившійся подъ стражей болѣе 40 лѣтъ. Не подчиняясь монастырскому начальству, онъ часто отлучался изъ монастыря, считалъ себя притѣсняемымъ братіей и жаловался на настоятеля въ Консисторію, впрочемъ, уже послѣ того, какъ самъ настоятель донесъ о его поведеніи. Въ 1842 г. онъ былъ переведенъ въ Спасоприлуцкій монастырь ²⁾.

Г л а в а VI.

Состояніе монастыря во второй половинѣ XIX в. (1851—1901 г.г.).

Послѣднее пятидесятилѣтіе въ исторіи Толшевскаго монастыря еще не можетъ быть предметомъ исторической оцѣнки. Поэтому здѣсь предлагаются только краткія официальные свѣдѣнія о настоятеляхъ монастыря и о самыхъ крупныхъ событіяхъ въ жизни обители. Исключеніе дѣлается только для архим. Веніамина, въ виду его продолжительнаго настоятельства.

Архимандритъ Даніилъ (1851—1856), въ мѣрѣ Дмитрій Прибытковъ. По окончаніи философскаго курса, при преобразованіи Воронежской семинаріи въ 1817 г., определенъ учителемъ Воронежскаго приходскаго училища, откуда

¹⁾ Тамъ же, 1845, № 735.

²⁾ Тамъ же, 1838, № 31.

уволенъ въ 1822 г. съ аттестатомъ. 2 Апрѣля 1822 г. опредѣленъ священникомъ сл. Костомаровой Острог. у. Въ 1836 г., по вдовству опредѣленъ въ Валуйскій монастырь и въ томъ же году переведенъ въ Митрофановъ монастырь. Въ 1837 г. опредѣленъ ризничимъ и членомъ Правленія монастыря. Въ томъ же году награжденъ набедренникомъ и опредѣленъ казначеемъ. Въ 1842—1844 г. былъ и. д. намѣстника монастыря, въ 1844 опредѣленъ намѣстникомъ. Въ 1849 г. награжденъ наперснымъ крестомъ. Въ 1850 г. „за дѣятельное и благоуспѣшное попеченіе объ устройствѣ, благолѣшии и порядкѣ въ Благовѣщенскомъ соборѣ Митрофанова монастыря, по случаю ожиданія въ гор. Воронежъ Е. И. В. Наслѣдника Цесаревича, объявлена ему Архипастырская признательность“.

Въ 1851 г. опредѣленъ игуменомъ Толшевскаго монастыря съ оставленіемъ въ должности намѣстника и награжденъ палицею. Въ 1852 г. посвященъ въ санъ архимандрита, съ присвоеніемъ ему лично степени настоятеля 3-классн. монастыря. Въ томъ же году, по представленію Ворон. Епарх. Попечительства о бѣдныхъ дух. званія, изъявлена ему Архипастырская признательность за значительный сборъ пожертвованій. Въ 1853 г. послѣ ревизіи монастыря, произведенной преосв. Автономъ Острогожскимъ, ему объявлена признательность преосв. Паренія.

Архимандритъ Даніиль, какъ намѣстникъ Митрофанова монастыря, не могъ проживать въ Толшахъ. Поэтому для непосредственнаго управленія монастыремъ былъ избранъ, въ качествѣ строителя, *іеромонахъ Мельхиседекъ*. Онъ происходилъ изъ крестьянъ Ливенскаго у., Орлов. губ.—въ мѣрѣ Михаилъ Полетаевъ. Въ 1835 г. сдѣлался послушникомъ Толшевскаго монастыря, въ 1838 г. постриженъ въ монашество, въ 1839 г.—посвященъ въ іеродіакона, въ 1841 г.—въ іеромонаха. Съ 1841 г. проходилъ должность казначея „съ особымъ усердіемъ, ревностью и добросовѣстностью“. Въ 1851—1856 г. іеромонахъ Мельхиседекъ, за отсутствіемъ

изъ монастыря настоятеля архимандрита Данила, правилъ монастыремъ и назвался строителемъ.

По смерти архим. Давиила, настоятелемъ Толшевскаго монастыря былъ опредѣленъ игуменъ *Кассіанъ*, бывшій ранѣе благочиннымъ Митрофанова монастыря. Но въ слѣдующемъ (1857) году онъ переведенъ на должность настоятеля Донецкаго монастыря.

Иеромонахъ Инатій (1857), въ мѣръ Алексѣй Алексѣевичъ Алексѣевскій, по окончаніи курса въ Ворон. д. семинаріи по 1-му разряду, 9 Дек. 1845 г. рукоположенъ во священника; овдовѣвъ, поступилъ въ 1852 г. въ Ворон. Митрофановъ монастырь; постриженъ въ монашество въ 1854 г. Въ 1857 г. посланъ строителемъ въ Толшевскій монастырь. 15 Авг. 1857 г. перемѣщенъ настоятелемъ въ Валуйскій монастырь, гдѣ состоитъ и нынѣ, въ санѣ архимандрита.

Иеромонахъ Аноимъ, сынъ священника. По увольненіи изъ словеснаго класса Ворон. д. семинаріи, опредѣленъ въ 1842 г. въ діакона въ Костенскъ, съ оставленіемъ для служенія въ Митроф. монастырѣ. Въ 1845 г., овдовѣвши, поступилъ въ братство Митроф. мон. Въ 1849 г. постриженъ въ монашество. Въ 1850 г. посвященъ въ іеромонахи. Въ 1850—1856 г.г. состоялъ письмоводителемъ архіерескаго дома. Въ 1857 г. опредѣленъ благочиннымъ Митр. м., а потомъ строителемъ Толшевскаго монастыря. Въ 1860 г. опредѣленъ настоятелемъ Дивногорскаго монастыря.

Такимъ образомъ „съ 1855 и по 1860 г. въ Толшевской обители смѣнилось четыре настоятеля: видя бѣдность и неустройство монастыря, они всячески сиѣшили оставить его. Отъ этого братія страдала и была въ смущеніи“ ¹⁾. Ко всему этому присоединилось еще одно неудобство. Еще издавна Толшевскій монастырь считался удобнымъ мѣстомъ для „смиренія“ штрафованнаго бѣлаго и чернаго духовенства и мірянъ.

¹⁾ См. рѣчь, произнесенную отъ братіи Толш. м. въ день 50-лѣтія священства архим. Веніамина.

Теперь эта утвердившаяся практика была возведена въ законъ. Въ 1860 г. Св. Синодъ имѣлъ сужденіе о томъ, какимъ образомъ проживаніе штрафованныхъ лицъ въ монастыряхъ могло бы проходить безъ соблазна для мірянъ и съ пользою для нихъ самихъ. Св. Синодъ остановился на слѣдующей мѣрѣ. Въ каждой епархіи предполагалось избрать для этого только по одному монастырю. Этотъ монастырь долженъ находиться вдали отъ города, ярмарки и т. п. мѣстъ для народныхъ сборищъ; кромѣ того, въ этомъ монастырѣ нѣтъ прославленныхъ святыхъ, которыя собираютъ къ себѣ толпы богомольцевъ. Выборъ такого монастыря въ каждой епархіи былъ предоставленъ усмотрѣнію епархіальныхъ архіереевъ. Преосвящ. Іосифъ, бывшій тогда епископомъ Воронежскимъ, указалъ на Толшевскій монастырь, какъ на наиболѣе удовлетворяющій вышеуказаннымъ требованіямъ. 9 Іюля 1860 г. Св. Синодъ утвердилъ это представленіе. Естественно, что послѣ этого количество эпитимійныхъ въ Толшевскомъ монастырѣ сильно возросло, восходя отъ 20 до 50 человѣкъ ежегодно. Понятно, какъ тяжелы были для монастыря эти пришлецы, производившіе соблазнъ среди своихъ мірянъ—прихожанъ...

При такихъ обстоятельствахъ былъ опредѣленъ въ настоятели Толшевскаго монастыря *архимандритъ Веніаминъ*, правившій монастыремъ болѣе 30 лѣтъ. Въ мірѣ Василій Чулковъ, о. Веніаминъ былъ сынъ діакона. По окончаніи курса въ Воронежской духовной семинаріи онъ въ 1839 г. былъ опредѣленъ въ священники въ сл. Марьевку, Бирюченскаго уѣзда. Въ 1858 г., по вдовству, опредѣленъ въ число братства Митрофанова монастыря, гдѣ проходилъ послушаніе профорника и должность духовника. Въ 1859 г. постриженъ въ монашество. Въ 1860 г. 22 Января опредѣленъ строителемъ Толшевскаго монастыря. Въ 1864 г. награжденъ наперснымъ золотымъ крестомъ. 17 Іюля 1866 г. произведенъ въ игумена. 16 Апрѣля 1870 г. награжденъ палицею. Въ 1886 г. награжденъ орденомъ Св. Анны 3 ст. и произведенъ въ Архи-

мандриты. Въ 1899 г. награжденъ орденомъ Св. Владимира 4 ст. Скончался 9 Февраля 1892 года.

Долголѣтнее настоятельство о. Веніамина имѣло большое значеніе для монастыря, но произносить сужденіе объ этомъ значеніи еще преждевременно. Поэтому ограничимся нѣкоторыми отзывами о немъ, высказанными еще при его жизни, во время празднованія 50-лѣтняго юбилея его священства въ 1889 г. На этомъ юбилеѣ о. Веніамину были поднесены иконы—отъ Задонскаго архимандрита Прокопія и отъ братіи, произнесено нѣсколько поздравительныхъ рѣчей и получено много привѣтствій. Извлеченія изъ рѣчей мы и приводимъ здѣсь. „Воспитавши своихъ дѣтей, Вы рѣшились пріютиться къ тихому пристанищу, подъ кровъ обители Св. Митрофана, говорилъ, между прочимъ, архим. Прокопій. Братія обители приняла Васъ въ свою ограду и укрыла мантию отъ навѣтовъ и прираженій вражнихъ, я же, недостойный, принялъ Васъ изъ подъ мантии подъ свое руководство по обычаю монашескому и, благодареніе Господу, жизнь Ваша не посрамила мое ручательство за Васъ предъ церковью. Вскорѣ поставлены Вы, какъ духовно-опытный инокъ, во главу братства обители Преображенія Господня, называемой Толшевскою. Здѣсь судилъ Вамъ Господь почти 30 лѣтъ настоятельствомъ и править не жезломъ и палицею, а смиренно-мудріемъ и благостью, и этотъ образъ кротости умиротворялъ случавшіяся недоразумѣнія и нестроенія въ обители. А сколько потрудились Вы для матеріальнаго благоустроенія сей обители, которую Вы нашли въ бѣдности и запустѣніи: нечѣмъ было кормить братію,—приходилось братіи скитаться по міру,—выпрашивать всячески кусокъ хлѣба и при этомъ выслушивать укоризны и разныя глумленія надъ монашескимъ чиномъ,—какъ это тяжело, знаетъ вполнѣ только тотъ, кто самъ былъ сборщикомъ. Своею опытностью за время своего 30-лѣтняго управленія Вы избавили братію отъ гнетущей нужды, безъ особой сторонней помощи благоуукрашили монастырскія постройки и приспособили ихъ не только подъ помѣщеніе

монашествующихъ, но и для принятія странниковъ и богомольцевъ“. „Не порадовалось сердце твое по прибытіи въ монастырь, читаемъ въ привѣтственной рѣчи братіи. Зданія въ немъ были ветхія и деревянныя, — средствъ къ жизни почти никакихъ не было. Укрѣпляемый надеждою на Бога и вѣря въ молитвенное ходатайство св. Тихона, Ты, Отче, обратился съ просьбою къ благодѣтелямъ и обитель мало помалу начала обновляться. За оградою монастыря отстроены двухъэтажный каменный корпусъ, — придѣльная теплая каменная церковь, одноэтажный каменный трапезный корпусъ и т. д. Короче — монастырь въ Твое управленіе почти весь возобновленъ. При заботахъ о расширеніи помѣщенія Тебя не оставляла мысль и о томъ, какъ бы изыскать постоянныя средства для обители, положить прочное и опредѣленное основаніе къ ея существованію. Извѣстно, что во владѣніи монастыря порядочное количество лѣса, но онъ, кромѣ отопленія, не приносилъ никакой пользы. Ты завелъ въ лѣсной дачѣ правильное хозяйство, — и съ разрѣшенія начальства сталъ продавать на срубъ по частямъ лѣсъ, поддерживая его произрастаніе посадками и хорошимъ за нимъ уходомъ. Въ короткое время средства монастыря увеличились, опредѣлились и теперь онъ можетъ обойтись безъ сторонней помощи. — Доселѣ, Отче, говорили мы о внѣшнихъ дѣлахъ твоихъ по управленію обителью, теперь достанетъ ли у насъ силъ сказать что-либо о дѣлахъ, не подлежащихъ наблюденію внѣшнихъ чувствъ — о Твоемъ примѣрномъ незлобїи и кротости, духовной мудрости и великомъ терпѣніи, съ которыми ты руководилъ обителью и врачевалъ духовно-недугующихъ чадъ твоихъ, какъ изъ среды монашествующей нашей братіи, такъ и изъ явившихся къ намъ для исправленія лицъ бѣлаго и чернаго духовенства. По отношенію къ таковымъ Ты благоусмотрительно пользовался и мѣрами строгости и словомъ вразумленія. Съ изумительнымъ терпѣніемъ ожидалъ Ты, когда эти люди успокоятся, одумаются и войдутъ въ себя, и за все это время не переставалъ предъ Престоломъ Врача душъ и тѣлесъ воз-

носить о них теплыя молитвы. Таковое терпѣніе и молитвенное воздѣйствіе каждый изъ насъ, находящихся здѣсь, неоднократно испытывалъ и на себѣ“.

Игуменъ Леонидъ (1892), сынъ діакона, въ мѣрѣ Лавръ Владиміровъ. По окончаніи курса въ Воронежской семинаріи по 1-му разряду, въ 1854 г. былъ опредѣленъ учителемъ Воронежскаго д. училища. Въ 1857 г. уволенъ по прошенію, отъ учительской службы. Въ 1858 г. опредѣленъ послушникомъ Задонскаго Богород. монастыря. Въ 1859 г. опредѣленъ учителемъ Задонскаго д. училища. Въ 1860 г. постриженъ въ монашество, произведенъ въ іеродіакона и іеромонаха и до 1861 г. и. д. инспектора училища. Въ 1861 г. уволенъ отъ училищной службы. Въ 1865 г. опредѣленъ ризничимъ монастыря и награжденъ золотымъ наперснымъ крестомъ. Въ 1883 г. опредѣленъ казначеемъ, а въ 1886 г. — намѣстникомъ монастыря. Въ 1890 г. возведенъ въ санъ игумена 24 Сентября 1892 г. опредѣленъ настоятелемъ Толшевскаго монастыря. Въ 1893 году обратно перешелъ въ Задонскій монастырь, гдѣ въ настоящее время (1902) состоитъ настоятелемъ монастыря.

Архимандритъ Платонъ (1893—1897) г.), въ мѣрѣ Поликарпъ Преображенскій, изъ духовнаго званія. По окончаніи курса въ Рязанской духовной семинаріи, въ 1845 г. опредѣленъ послушникомъ Толшевскаго монастыря. Въ 1849 г. постриженъ въ монашество; въ 1850 г. постриженъ въ іеродіакона, въ 1852 г. — въ іеромонаха. Въ 1854 г. переведенъ въ Митрофановъ монастырь. Въ 1861 г. награжденъ набедренникомъ. Въ 1865 г. избранъ духовникомъ для приходящихъ богомольцевъ. Въ 1875 г. назначенъ духовникомъ Воронежскаго Покровскаго дѣвичьяго монастыря. Въ 1877 г. награжденъ наперснымъ крестомъ. Въ 1882 г. опредѣленъ ризничимъ и членомъ Правленія Митрофан. монастыря. Въ 1888 г. произведенъ въ санъ игумена. Въ 1892 г. награжденъ орденомъ Св. Анны 3 ст. и опредѣленъ настоятелемъ Толшевскаго монастыря. 27 Августа 1893 г. возведенъ въ санъ архимандрита. Скончался въ 1897 году.

Архимандритъ Наванамъ (съ 1897 г.), сынъ діакона, въ мірѣ Николай Чулковъ, окончилъ курсъ въ духовной семинаріи по 1-му разряду. Въ 1866 г. опредѣленъ псаломщикомъ въ г. Богучарь. Въ 1869 г. опредѣленъ, по прошенію, послушникомъ Толшевскаго монастыря, проходилъ послушаніе клиросное и письменоводителя. Въ 1872 г. постриженъ въ монашество и рукоположенъ въ іеродіакона, а въ 1873 г. — въ іеромонаха. Въ 1885 г. опредѣленъ казначеемъ монастыря и, за болѣзнь настоятеля, исправлялъ его должность. Въ 1889 г. награжденъ набедренникомъ. Въ 1892 г., за смертью настоятеля, завѣдывалъ монастыремъ, за что получилъ Архипастырскую признательность. Въ 1893 г. награжденъ золотымъ наперснымъ крестомъ. Съ 23 Апрѣля по 20 Сентября 1893 г., за выбитіемъ настоятеля, завѣдывалъ монастыремъ. Съ 1896 по 1898 г. состоялъ намѣстникомъ Дивногорскаго монастыря. 1 Марта 1898 года опредѣленъ настоятелемъ Толшевскаго монастыря съ возведеніемъ въ санъ игумена. 9 Августа 1899 года утвержденъ благочиннымъ монастырей 2 Округа. 25 Мая 1901 года возведенъ въ санъ архимандрита.

П. Никольскій.

(Продолженіе будетъ).

ОБЪЯВЛЕНІЯ.

Вакъ уже всѣмъ извѣстно, магазинъ мой всегда полонъ лучшими издѣліями изъ золота, серебра, брилліантовъ, мельхіора, иконъ и часовъ.

Кромѣ того извѣщаю г.г. покупателей, что съ 1-го января с./г. въ моемъ магазинѣ имѣется церковная утварь, какъ-то: сосуды, ковчеги, евангелія, паникадила, подсвѣчники, кресты и проч.

Продажа по умѣреннымъ цѣнамъ и безъ запроса.

Н. А. Михайловъ.

Магазинъ на Большой Дворянской ул., соб. домъ.

Телефонъ № 135.

ПО ТРЕБОВАНИЮ ВЫСЫЛАЮТСЯ ПРЕЙСЪ-КУРАНТЫ БЕЗПЛАТНО.

Заказы высылаются безъ задатка.

Существующее болѣе 85-ти лѣтъ

БОЛЬШОЕ

СПЕЦИАЛЬНОЕ-МЕХАНИЧЕСКОЕ ИКОНОСТАСНОЕ ЗАВЕДЕНІЕ,

художественная мастерская живописи

Алекс. Борисовича МОСКАЛЕНКОВА,

въ сл. Алексѣевкѣ, Воронежской губерніи, собст. домъ.

Даетъ возможность за умѣренныя цѣны съ разсрочкою платежей (по особому соглашенію) имѣть всевозможные церковныя предметы.

Обращаться съ запросомъ и заказами по церковнымъ работамъ въ слободу Алексѣевку, Бирюченскаго уѣзда, собственный домъ, письменно лично съ предъявленіемъ рисунковъ.

ПО СОГЛАШЕНІЮ.

ИСПОЛНЯЮТСЯ ЗАКАЗЫ ВЪ НЕПРОДОЛЖИТЕЛЬНОЕ ВРЕМЯ.

Иконостасы деревянные и искусственнаго мрамора съ живописью и безъ оной.

Кіоты закліросныя и столбовыя. *Съни* надъ престоломъ.

Иконы, для желающихъ увѣковѣчить память столь дорогаго для русскаго человѣка событія спасенія Ихъ Императорскихъ Величествъ и всей Августѣйшей Семьи отъ угрожавшей смерти 17 окт. 1888 г., разныхъ цѣнъ.

Гробницы отъ 50 р. и *плащаницы* отъ 25 р. и дороже.

Картины прозрачныя на полотнѣ и стеклѣ отъ 25 р. и до 500 р.

Запрестольные образа 25 р. и болѣе.

Иконы аналойныя и другія на цинкѣ и деревѣ на золоченыхъ, чеканныхъ, гладкихъ и простыхъ фонахъ, отъ 10 р. и дороже, судя по размѣру и сложности. Живопись производится непосредственно руками художниковъ и живописцевъ,

а не печатается машинами, какъ въ метахромотипическихъ заведеніяхъ.

Росписи и окраску церквей съ уборкою и безъ оной.

Золоченіе главъ, куполовъ и крестовъ по системѣ на марданъ и фюльфарбу.

Перезолотку старыхъ иконостасовъ и *реставрированіе* иконъ.

Свѣчи металлическія съ автоматическою подачею (полное сбереженіе восковыхъ огарковъ).

Подробное объявленіе см. № 5 Вор. Еп. Вѣд.

П Ч Ё Л Ъ

до ста семей.

$\frac{1}{3}$ въ Даданахъ

$\frac{2}{3}$ въ мал. дупл.

С Ъ Н А

пудовъ 2,000, степное,
чист. пырей

продаются сходно, письмомъ: въ сл. Никитовку, Валуйскаго уѣзда, Осмачкину.

Книжки-Копѣйки

Нар. изд. Я. Бермана. Для ознакомленія одна кн. высыл. бесплатно. Спб., Фонтанка 95

СОДЕРЖАНІЕ

НЕОФИЦИАЛЬНОЙ ЧАСТИ:

Поученіе въ Пятокъ Свѣтлой Седьмицы.—Священ. *Евгенія Мишина*.

Свѣтлый праздникъ у насъ и за границей.—*Алексѣя Введенскаго*.

Гоголь о культурѣ, задачахъ челоуѣка, миссіи русскаго народа и церкви.—*Г. Михаила*.

Изъ Воронежской церковной старины.

Некрологъ. († Священникъ Сумеонъ Михайловичъ Чубинскій).—Священника *Г. Абрамова*.

Спасопреображенскій Толшевскій монастырь.—*П. Никольскаго*.
Объявленія.

Редакторъ, Ректоръ Семинаріи, Протоіерей *В. Ворисоглѣбскій*.

Дозволено Цензурою. Воронежъ. 6 Апрѣля 1902 г. Цензоръ Протоіерей *А. Спасскій*.